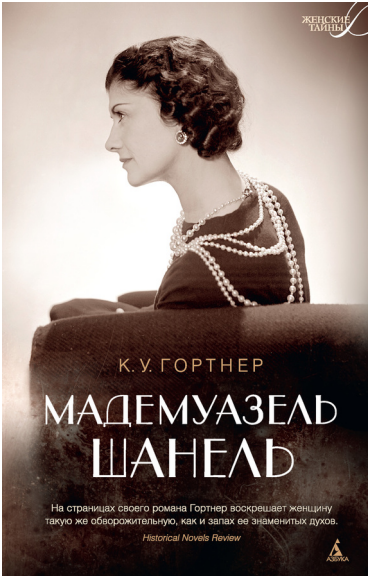

Кристофер Уильям Гортнер
Мадемуазель Шанель
Серия «Женские тайны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634721

*К. У. Гортнер. Мадемуазель Шанель: Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10488-4*

Аннотация

Ее знают все, но лишь немногие знают ее подлинную историю. Она была одним из самых влиятельных модельеров XX века. Ее стиль ознаменовал окончание экстравагантной моды прошлого столетия и провозгласил начало новой эпохи. Она могла стать обыкновенной швеей или певичкой в кабаре. Но, встретив мужчину, который поверил в ее талант, она переехала в Париж, где начинается ее стремительное восхождение к славе. Она еще не знает, что цена успеха бывает непомерно высока. Она застала сумасбродства Прекрасной эпохи, жажду наслаждений века джаза и ужасы Великой войны. Она сделала модными жемчужные ожерелья и маленькое черное платье и подарила миру духи, которые назвала своим именем.

Ее звали Коко Шанель! И это ее история, рассказанная от первого лица...

Впервые на русском языке!

Содержание

Париж	5
Действие первое	7
1	7
2	11
3	13
4	20
5	25
6	29
7	33
8	38
9	42
10	47
11	49
12	53
13	58
14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

К. У. Гортнер

Мадемуазель Шанель

Посвящается Мелиссе, единственной из всех, кого я знаю, кто любит Шанель больше, чем я сам, а также Дженнифер, которая неизменно верит в меня

Жизнь моя меня никак не устраивала, поэтому я переделала ее по-своему.
Габриэль «Коко» Шанель

C. W. Gortner
MADEMOISELLE CHANEL
Copyright © 2015 by C. W. Gortner

© В. Яковлева, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

К. У. Гортнер изучал жизнь Коко Шанель и ее влияние на мир моды много лет. Прежде чем стать профессиональным писателем, он проработал 10 лет в мире моды как консультант и организатор показов. Имеет научную степень в этой области. Его диссертация посвящена Коко Шанель. Гортнер написал пять исторических романов. Его произведения переведены на 20 языков и не раз включались в список бестселлеров, а сам автор признан одним из 10 лучших исторических романистов.

Если вы не можете поехать в Париж весной, прочтите этот роман с бокалом вина в руке, и это будет достойной заменой путешествию.
Glamour

Захватывающая, трогательная история Коко, рассказ о восхождении к славе и о бурной личной жизни.
Shelf Awareness

Прекрасно написанный и точный до мельчайших деталей роман. Признание в любви к иконе стиля, которая является примером и в наши дни.
Kirkus Reviews

Париж 5 февраля 1954 года

Внизу собирается толпа. Я слышу журналистов, знаменитостей, жаждущих посмотреть мою новую коллекцию, избранных критиков, которым я разослала приглашения на тисненой бумаге. Их возбужденные голоса достигают верхней площадки лестницы с зеркалами и проникают в ателье, где среди царящего беспорядка я жду начала показа.

Со мной двенадцать манекенщиц, уже одетых в мои новые творения, они стоят в облаке сигаретного дыма и аромата духов, которые тоже создала я. Я опускаюсь на пол, еще раз проверяю длину юбок, обрезаю свисающие нитки и прошу тишины. Они щебечут так громко, что мешают думать, но заставить их замолчать – это все равно что плевать против ветра. Они то и дело поддергивают украшенные драгоценными камнями пояса моих черных платьев, звенят браслетами, щелкают жемчугом, словно им передается мое возбуждение, которого мне демонстрировать нельзя.

Я поднимаюсь, брякают ножницы, висающие у меня на шее. Я знаю, что собравшиеся внизу сейчас озабочены самыми разными предположениями и вопросами: получится у нее или не получится? Способна ли она на такое? Ей уже семьдесят один год. Пятнадцать лет она не занималась моделированием одежды. Сможет ли после такого перерыва снова подняться на прежнюю высоту?

И в самом деле, смогу ли?

Впрочем, ситуация для меня не нова. Не раз бывало такое и раньше. Ожидание провала, страстное желание похвалы и даже лести – эти чувства я пронесла через всю свою жизнь. Я закурываю еще одну сигарету и придирчиво осматриваю стоящих передо мной манекенщиц.

– Вот ты, – обращаюсь я к темноволосой девушке, которая чем-то неуловимым напоминает меня в молодости, – слишком много нацепила браслетов. Убери хотя бы один.

Ее щеки вспыхивают, но она послушно исполняет мою просьбу, а я словно слышу шепот моего любимого Боя: «Помни, Коко, ты всего лишь женщина».

А я частенько забываю об этом. Я всего лишь женщина, которая постоянно должна заново открывать саму себя, для которой это вопрос жизни и смерти.

Я ловлю свое отражение в зеркале: смуглая кожа, покрашенные ярко-красной помадой губы, густые брови, золотисто-карие сияющие глаза, угловатая фигура в отделанном тесьмой розовом костюме. Гладкой кожи юности нет и в помине. Руки унижены дорогими кольцами, но сморщены, узловаты и грубы, как у камнетеса, изуродованы тысячами игольных уколов – это руки овернской крестьянки, которой я, сирота, мечтательница и прожектерка, до сих пор себя чувствую в душе. Мои руки недвусмысленно говорят всем, кто я такая. Глядя на них, можно догадаться о борьбе, которая не прекращалась ни на минуту и в результате которой прежняя робкая девочка превратилась в легенду; я сама ее создала, тем самым спрятав от постороннего взгляда свою истинную душу.

Так кто же такая Коко Шанель?

* * *

– Allez!¹ – громким голосом командую я.

Манекенщицы выстраиваются вдоль лестницы до самого салона. Я уже столько раз проделывала этот ритуал, в последнюю минуту расправляя одной девушке рукав, поправляя

---

¹ Вперед! (фр.) – Здесь и далее прим. перев.

другой шляпку, разглаживая кому-нибудь из них воротничок. Даю отмашку, девушки идут вперед, а сама я отступаю. Не хочу появляться перед публикой, пока не стихнут аплодисменты... Если они вообще прозвучат.

Теперь, когда прошло столько времени, я ни в чем не уверена.

Я сижу, прижав коленки к груди, с сигаретами в боковом кармане, притаилась на самом верху обрамленной огромными зеркалами лестницы; стараясь приглушить звяканье украшений, я превратилась в зрителя, невидимого и одинокого; впрочем, таковой я всегда и была.

И всматриваясь в свое туманное будущее, я оглядываюсь и в прошлое. Я приложу все силы, чтобы рассказать правду вопреки всем мифам и сплетням, которые облачают меня так же, как платье из крепдешина или костюм из твида.

Я постараюсь всегда помнить, что, несмотря на все свои победы и поражения, я была и остаюсь всего лишь женщиной.

Действие первое Ничейная дочь 1895–1907 годы

«Начнем с того, что я была глубоко несчастлива, но нисколько не жалею об этом».

1

В тот день, когда умерла мама, я, как всегда, играла в куклы на кладбище. Это были тряпичные куклы, набитые соломой, я сама их сшила, когда была маленькой, а теперь они стали грязные и бесформенные, потому что мне уже было двенадцать лет. За все это время как я только их не называла. Теперь я звала Mesdames les Tantes,² в честь женщины в черном, обитавшей в мансарде по соседству и видевшей последний вздох моей матери.

– Так, ты садись сюда, а ты вот сюда, – говорила я, пристраивая их спиной к покосившимся могильным камням и воображая, что эти самые тетушки слушаются меня беспрекословно.

Кладбище – место, где обитали мертвые, – располагалось на самом краю деревни, куда моя мать привезла меня с моими братьями и сестрами после того, как нас бросил отец, и было моим любимым уголком, моим убежищем и приютом. Мы так часто переезжали с места на место, что очередное временное жилище я не считала своим домом. Отец обычно пропадал на несколько месяцев кряду: он был странствующий торговец, разъезжающий со своими товарами по городам и весям.

– Я рожден для дороги, – говаривал он, когда мама ворчала на него. – Из поколения в поколение мы, Шанели, всегда были странниками. Неужели ты думаешь, что я могу себя переделать, ведь это у меня в крови?

Мама только вздыхала:

– Ну нет, конечно. Но ведь мы с тобой, Альбер, как-никак муж и жена, и у нас пятеро детей.

Отец лишь смеялся. Он часто громко смеялся, и я очень любила слушать его смех.

– Дети уже привыкли. Смотри сама, они совсем не против того, что я путешествую. Разве не так, моя девочка, моя маленькая Габриэль? – говорил он и подмигивал мне.

Я была его любимицей, он сам мне об этом говорил, сильными руками сажая меня на колени и пронося сигарету, чтобы сбросить пепел, над моими толстыми черными косами, и я весело смеялась.

– Габриэль, mon petit chouх, мой миленький кочанчик капусты!

Потом он ставил меня на пол, и они с мамой начинали спорить и препираться. И это неизбежно заканчивалось тем, что она переходила на крик:

– В таком случае уходи! Уходи совсем, да, и оставь нас, тебе ведь плевать, что мы будем нищими, что дети твои будут страдать!

Я затыкала уши. В такие минуты я ненавидела мать. Ненавидела ее слезы, ее сморщенное плачем лицо, ее сжатые кулачки, когда отец вихрем выбегал из дому. Я боялась, что из-за нее он когда-нибудь не вернется обратно. Мама не понимала, что он должен время от

---

² Госпожи тетушки (фр.).

времени уезжать, ее любовь к нему была подобна дыму, в котором не было огня, и он задыхался в этой атмосфере.

Но я всегда ждала возвращения отца, несмотря на то что в последний раз он ушел навсегда, и по всей Лотарингии пошли слухи, которые в конце концов добрались и до нашей деревни: Альбер Шанель устроился работать в какую-то таверну и его видели с некой женщиной, скорее всего с проституткой. Я не знала, что такое проститутка, но мама прекрасно знала. Она перед этим плакала, и теперь слезы ее мгновенно высохли.

– Ублюдок, – прошептала она.

Уложив наши скудные пожитки, мама привезла нас, то есть меня, моих сестер Джулию и Антуанетту и братьев Альфонса и Люсьена, сюда, в Курпьер, где жили три ее вдовые тетки, которые, увидев ее, зацокали языком:

– А ведь мы предупреждали тебя, Жанна. Мы говорили, что мужик твой никудышный. От таких ничего хорошего не жди. И что ты теперь станешь делать? Как будешь кормить свой выводок, который он тебе оставил?

– Отец еще вернется! – закричала я во все горло, с грохотом сдвигая на столе выщербленные чайные чашки. – Он хороший. Он нас любит!

– Девчонка дурно воспитана и грубиянка, – в один голос заявили мамины тетушки. – Сразу видно, чья кровь в ней играет. Из нее тоже ничего хорошего не выйдет.

Кашляя и прижимая тряпицу ко рту, мама поскорее отослала меня играть. К тому времени она сильно похудела, буквально таяла на глазах. Я понимала, что она больна, но не хотела признаваться себе в этом. Я окинула горящим взглядом тетушек и, громко топая, выскочила из дому, как это много раз проделывал отец.

И после этого тетушки старались держаться от меня подальше. Но когда мамин кашель стал надсадным – казалось, он разрывал ей грудь – и она не смогла больше работать помощницей швеи, они снова появились у нас в доме. Они буквально заволокли его, дом словно почернел после их появления. Увидев маму в постели, тетушки заявили, что она больше с нее не встанет.

– Наша мама умрет? – спросила Джулия.

Джулия была всего на год старше меня, но очень робкая и всего боялась: зимних ветров, продувающих городок насквозь, стука телег, брызгающих грязью на наши оборванные юбки, подозрительных взглядов местных жителей. Но больше всего она боялась смерти. Что будет с нами, говорила она, когда мы останемся в этом мире одни, да еще с глазу на глаз с этими противными тетками, которые молча и безжалостно наблюдали, как на глазах чахнет наша мама?

– Нет, она не умрет, – ответила я.

А вдруг, думалось мне, если я так сказала, мои слова обернутся правдой?

– Но ведь она очень больна. Я слышала, как одна из тетушек говорила, что мама недолго протянет. Габриэль, что с нами будет?

К горлу подкатил комок и застрял, словно кусочек черствого хлеба, который нам давала мама, когда в доме больше нечего было есть. Бывало, вручив мне несколько сбереженных сантимов, она посылала меня к булочнику, но строго-настрого наказывала подаяния не просить, потому что и у нас есть своя гордость. Но все равно хлеб, который давал мне булочник, всегда был твердым как камень.

Вот и этот комок в горле тоже был такой. Проглоти его, приказала я себе. Ты должна его проглотить.

– Она не умрет, – повторила я.

Но Джулия оглянулась на Антуанетту, которой было еще только пять лет и которая весело дергала траву, растущую между надгробными плитами, и, не удержавшись, всхлипнула.

– Они избавятся от нас, – заявила она, – они отошлют нас в приют или еще куда похуже, потому что отец к нам никогда не вернется.

Я вскочила на ноги, схватила куклу и замахнулась на Джулию. Я была очень худенькой – кожа да кости, как часто ворчали, глядя на меня, тетушки. Они обзывали меня вечно голодной побирушкой. Видимо, считали, что мама, щелкнув пальцами, способна была сотворить чудо с рыбами и буханками хлеба, подобное описанному в Евангелии.

– Никогда такого не говори, слышишь? Отец обязательно вернется. Вот увидишь.

Джулия расправила узенькие плечики. Я даже смутилась, увидев вдруг в этом жесте явный вызов; она была, конечно, старше меня, но мама всегда говорила, что Джулия уж очень робкая и застенчивая.

– Габриэль, – мрачно сказала сестра, – сейчас не время для фантазий.

Не время для фантазий...

Слова сестренки звучали у меня в голове, когда мы тащились обратно к дому. Одна из тетушек, высунувшись в окно мансарды, кричала на всю улицу, чтобы мы поскорее возвращались.

В гостиной уже были сняты полинявшие занавески, со стола убраны вещи, с которыми мама работала: катушки с нитками, иголки, наполовину скроенные платья, которые она шила для других, но сама не могла позволить себе носить. Тетушки уже водрузили на стол тело нашей бедной матушки.

– Отстрадала наконец, бедняжка... Ей уже не больно... Наша Жанна упокоилась с миром...

Одна из тетушек поманила нас своей сморщенной лапой:

– Подите сюда, девочки. Поцелуйте вашу мамочку на прощание.

Я так и застыла в дверях. Не в силах пошевелиться, я глядела, как Джулия послушно подходит к столу, наклоняется, касается губами посиневших маминых губ. Антуанетта плачет и причитает. Шестилетний Люсьен в углу гремит оловянными солдатиками, а девятилетний Альфонс изумленно таращит на всех глаза.

– Габриэль, – чуть ли не хором произнесли тетушки, – немедленно подойди сюда.

Мне казалось, что их голоса похожи на злобное карканье хлопающих вокруг меня крыльями ворон; они бросаются на меня и норовят побольнее клюнуть. Широко открыв глаза, я смотрела на мамино тело, на ее руки, сложенные на груди, закрытые глаза и ввалившиеся восковые щеки. Даже издали глядя на нее, я не могла не думать о том, что, когда люди говорят, будто умерший человек упокоился с миром, они лгут.

Мертвые ничего не чувствуют. Они уходят от нас навсегда. Я никогда больше не увижу маму. Она никогда больше не погладит меня по голове и не скажет: «Габриэль, ну когда ты приведешь в порядок свои волосы». Не подойдет к нашей кровати перед сном, чтобы убедиться, что мы не мерзнем, что нам тепло, никогда, с трудом волоча ноги, не поднимется по лестнице с корзинкой, не принесет нам сладких пирожных, чтобы порадовать своих деток, чтобы мы с Джулией подкрепились и могли помочь ей с работой. Никогда больше не покажет мне, в чем разница между скрытым стежком и декоративным, никогда не засмеется своим тихим смехом, когда Джулия по ошибке пришьет одежду, которую она починяет, к собственной юбке. Маман ушла от нас, и мы остались одни, с ее мертвым телом и с тетушками, и нет никого, кто бы утешил нас.

Я развернулась и выбежала вон. За спиной раздавались сердитые крики тетушек, громкий стук их палок о пол. Я слышала, как Люсьен в голос подхватил плач Антуанетты, но не остановилась. Скатилась вниз по лестнице, выскочила на улицу и бежала, бежала без остановки, пока снова не оказалась на кладбище. И только перед могильным камнем, где оставила своих кукол, я упала на колени. Очень хотелось плакать, кричать. Я отказалась в

последний раз поцеловать мертвую маму, поэтому должна теперь плакать по ней, чтобы она знала, как я ее люблю.

Но глаза мои оставались сухими, в них не было ни слезинки. Отшвырнув кукол в сторону, я припала к могильной плите, сжалась всем телом и просидела так, пока не опустились сумерки; я всматривалась в пыльную дорогу, уходящую из городка куда-то вдаль.

Отец обязательно вернется. Должен вернуться. Он никогда нас не бросит.

2

Отец появился через три дня, и мы все вместе собрались в убогой гостиной за тем же столом, на котором недавно лежала мертвая мама. На похороны он не успел.

– Работы было много, не получилось, – оправдывался отец.

Тетушки что-то недовольно кудахтали, но, главное, он теперь здесь, я прижалась к его руке, с наслаждением вдыхая запах пота и табака. Я же говорила, что он придет за нами, вот он и пришел, и мы теперь спасены.

– И что ты теперь станешь делать? – качали головой тетки. – Жена-то теперь в земле лежит, видишь, какой тебе выводок оставила, как будешь их растить?

Отец с минуту молчал.

– Что вы предлагаете, Mesdames? – наконец спросил он. Меня даже подбросило на стуле рядом с ним. – Я, вообще-то, живу и работаю в таверне, – продолжал он, – для детишек у меня места нет.

– Таверна, – сказала одна из тетушек, – для детей нехорошее место, это не важно, есть, где их разместить или нет. Так что лучше места для них, чем Обазин, не найдешь. Пускай поживут там, их научат, как зарабатывать на хлеб, чтобы, не дай бог, их не постигла участь бедной матери.

Я увидела, как бледный румянец вдруг исчез со щек Джулии, она побелела как полотно, и мне сразу пришло в голову, что Обазин – это какой-то сиротский приют или еще того хуже.

– Но мы же не сироты, – запротестовала я и с удовольствием увидела, как лица тетушек исказились от ужаса.

Ах, значит, вот так! Значит, им на нас совершенно наплевать. Они хотят, чтобы мы поскорей убирались отсюда, но отец не допустит этого. Он покажет им, что они глубоко ошибаются.

И я повернулась к отцу:

– Папа, скажи им, что мы должны жить с тобой.

В своем голосе я услышала нотку мольбы, которую безуспешно пыталась спрятать. Но он, похоже, не знал, что ответить.

– Габриэль, – наконец пробормотал он, – помолчи, когда разговаривают взрослые. Ты должна доверять нам, мы всей душой хотим вам добра.

Что он сказал? Мы? Я изумленно уставилась на него.

– Так, значит, Обазин, говорите? – спросил отец, глядя на тетушек. Он смотрел на них поверх моей головы, они выстроились перед ним рядком, как мои детские куклы на кладбище. – И вы думаете, монашки будут...

– Обязательно, – ответили тетушки хором, решительно кивая подбородком. – Они же ничего другого и делать не могут. Святые сестры Обазина посвятили себя этой цели.

– Гмм... – пробурчал отец, и у меня мурашки побежали по спине. – А с мальчиками что?..

– Всегда найдется семья, которая возьмет к себе мальчиков, – сказали тетушки, и я еще теснее прижалась к папиной руке, видя беспощадную решимость в глазах тетушек.

– Папа, прошу тебя, – начала я, пытаюсь заставить его посмотреть на меня. – Мы не будем тебе мешать, от нас тебе не будет никакого беспокойства. Мы всегда спим вместе, и нам не нужна отдельная комната. Нам вообще нужно мало места. Джулия будет заботиться об Антуанетте с Люсьеном, а мы с Альфонсом будем тебе помогать. Мы же маме все время помогали. Я помогала ей шить, и еще я... ну, выполняла разные поручения. Я хорошо умею это делать. Я и работать тоже могу. С нами тебе не будет никаких хлопот.

Я повторяла это снова и снова, говорила все быстрее, заметив в его глазах растущее отчуждение, и сердце мое билось все чаще.

Он забрал от меня руку. Нет, конечно, не вырвал, он сделал это довольно мягко. Просто рука его остороженько так освободилась от моей, наши пальцы вдруг раз – и разошлись, как плохо сплетенные нити. Секунда – и в моей руке пустота... Мне даже показалось, что и его самого уже здесь нет, но тут я снова услышала его голос.

– Не могу, дочка, – тихо сказал он. – Некуда мне вас взять. Нет места.

Он встал. Повернулся к двери. А я все сидела на стуле, застыла как примороженная. И вдруг вскочила, подбежала к нему, попыталась снова завладеть его рукой.

– Папа, папочка, прошу тебя, не бросай нас! – кричала я.

Поверх моей головы он слабо улыбнулся тетушкам и осторожно отвел мои руки:

– Mesdames, вы ведь проследите за всем этим, да? Ну... там, платья и прочее.

Тетушки согласно закивали. Сверху вниз отец посмотрел на меня.

– Mon petit choux, – пробормотал он.

Потом взъерошил мне волосы и вышел. Я стояла, не двигаясь, слушая звук его удаляющихся вниз по лестнице шагов.

– Ни стыда, ни совести у этой девчонки, – раздался за спиной голос одной из тетушек. – Где она научилась так дерзить, дрянь такая?

Я не стала дожидаться, когда они схватят меня, и рванулась за отцом. Выбежала на улицу, но его уже и след простыл. Я металась то в одну сторону, то в другую, высматривая его высокую, шагающую прочь фигуру в плотно нахлобученной шляпе.

Он исчез, словно его вообще здесь никогда не было. Весь мир померк перед моими глазами. Внезапно меня охватил страшный холод. Вот тут-то я и поняла, что Джулия была права.

Время мечтаний закончилось.

3

Я уже собиралась отправиться на поиски отца, но тетушки не дали мне уйти, они бежали вниз, изловили и притащили обратно к себе на чердак. Я как могла сопротивлялась, пиналась, но они заперли все двери и приказали нам собирать пожитки. Вытащили наш старый, выдавший виды парусиновый саквояж и швырнули его на кровать.

– Я никуда не пойду, – сказала я им. – Я вас ненавижу. Мама из-за вас умерла. Это вы убили ее.

– Габриэль, прошу тебя, перестань, – прошептала Джулия.

Но я продолжала злобно смотреть на тетушек.

– Если не будешь слушаться, – прошипела одна из них, – отдадим тебя старьевщику. Хочешь целыми днями ковыряться в отбросах? Что ты там пела отцу? Что умеешь работать? Ну давай иди работай.

Братья, съездившись, прижались друг к другу в углу. Джулия дернула меня за руку.

– Габриэль, – умоляющим голосом произнесла она, – ну перестань же. Давай собираться. Тебе что, трудно?

Тетушки уселись за стол, чтобы наблюдать, как мы укладываемся. Я повернулась к ним спиной и стала разбирать свою скудную одежку, сшитую мамиными руками, измятую, во многих местах штопаную-перештопаную.

На следующее утро явился какой-то старик в берете и с зажатой в зубах сигаретой. Мы едва успели обняться и попрощаться с Альфонсом и Люсьеном, как тетушки затолкали нас в его тележку, на кучу твердых как камень мешков с мукой.

– Сидеть смирно! – приказал он.

Одна из тетушек высыпала в ладонь старика несколько монет из кошелька. Я узнала его: этот вышитый кошелек принадлежал моей маме.

Тележка дернулась и медленно тронулась в путь. Джулия прижала к себе Антуанетту, старик щелкнул кнутом по костлявой спине мула, и мы затряслись по разбитой горной дороге. Подпрыгивая на глубоких выбоинах, мы крепко вцепились друг в друга. Остатки мужества совсем покинули меня. Когда уже опускались сумерки, тележка свернула на пыльную узенькую дорожку, и через некоторое время мы остановились перед крепкими деревянными воротами в высокой стене.

За стеной в полумраке смутно виднелась каменная башня и группа каких-то строений, но я едва обратила на них внимание – так встревожил меня вид довольно большой группы женщин в черном и с белыми апостольниками на голове. Возница принялся разгружать мешки, а монахини повели нас внутрь и уже во дворе разделили. Нас с Джулией отправили в одно крыло, а Антуанетту – в другое, поскольку она была еще маленькой, как сказали монашки, и должна жить с детьми ее возраста.

Лицо Джулии было мертвенно-бледным от усталости.

– Мы здесь совсем чужие, – сказала я.

Одна из сопровождающих нас монашек сразу же повернула ко мне голову:

– В совершенном мире дети не бывают чужими. Но этот мир далек от совершенства. Ничего, постепенно привыкнете.

Она привела нас в dormitorio, где сразу сотня любопытных лиц повернулась и стала разглядывать нас. Я сжала кулаки.

– Мы здесь долго не задержимся, – объявила я, хотя вопросов мне никто не задавал. – Скоро за нами приедет папа и заберет отсюда, вот увидите.

Джулия дернула меня за руку.

– Габриэль, прекрати сейчас же, – прошептала она.

Задули свечи, и огромное помещение наполнилось храпом и вздохами спящих. Чтобы никто не слышал, я закрыла голову подушкой и заплакала. На следующий день, куда бы я ни повернула голову, мой взгляд натывался только на черный или белый цвет или промежуточные между ними оттенки: черные одеяния монахинь, развевающиеся на ветру и создающие впечатление, будто эти женщины не идут, а плывут по воздуху; черный цвет наших форменных платьев, скромных и прочных. Накрахмаленное белоснежное белье, сложенное в стопки на полках шкафа или аккуратно постеленное на наших узеньких койках, мерцающая, словно ореол, белизна головных уборов монахинь и всевозможные оттенки унылого серого, начиная от меняющегося в свете дня оттенок плитняка, которым были выложены полы, и заканчивая монотонными голосами тех, кто обязан был за нами надзирать.

Первые несколько недель пребывания в монастыре я чувствовала себя глубоко несчастной. Отчаянно скучала по братьям, ведь я привыкла жить с ними вместе. Скучала по маме. Жизнь наша с ней была, конечно, суматошная, но все равно мне очень не хватало мамы.

– Зато здесь нам ничто не угрожает, – сказала как-то вечером Джулия. – Разве ты не видишь? Здесь с нами не может случиться ничего плохого.

Но я не хотела этого видеть. Я не могла принять этой жизни, потому что если бы приняла, значит смирилась с мыслью, что отец никогда больше не вернется. Я все никак не могла поверить, что он нас бросил.

– Нет, здесь просто ужасно, – ответила я. – Ненавижу их всех.

– Ты не права. – Джулия протянула руку к моей койке и сжала мне пальцы. – Надо быть им благодарными. Разве не лучше для нас самих, что мы оказались здесь? Что бы мы делали одни-одинешеньки, кто бы о нас позаботился? – (Я отвернулась.) – Ты просто попробуй, – услышала я ее шепот. – Ты же сильная. Мама всегда говорила, что на тебя можно положиться. Обещай, Габриэль, что попытаешься. Ты ведь так нужна нам с Антуанеттой.

Я очень любила своих сестер, поэтому послушалась Джулию и попробовала смириться. В последующие недели я изо всех сил старалась как можно больше улыбаться и быть вежливой, послушно вставала до зари на звон колоколов, тащилась вверх по крутой лестнице и по выложенной камнем дорожке шла в часовню слушать заутреню. Потом нас вели в трапезную на завтрак, после завтрака начинались занятия, затем второй завтрак и ежедневные хозяйственные работы, после этого мы снова отправлялись в часовню на вечерние молитвы и обратно в трапезную обедать, а с наступлением темноты ложились спать и опять вставали на рассвете, и все начиналось сначала. Ничего интересного здесь не происходило, но и плохого тоже ничего не случалось. Не было вечно брюзжащих тетюшек, не ломился в дверь хозяин дома, требуя платы за жилье. Неожиданно впервые в жизни я стала понимать, что мне полагается делать и чего от меня ждут. Жизнь подчинялась определенному порядку, постоянному, неизменному и монотонному, но, как ни странно, дающему некоторую опору в жизни и даже надежду.

Шли дни, они складывались в недели, те, в свою очередь, в месяцы, и незаметно для себя самой я стала воспринимать Обазин своим домом.

Впервые я жила в таком месте, где во всем соблюдалась идеальная чистота, строгая и безукоризненная, достигаемая с помощью щелочного мыла, которым и мы тоже умывались каждое утро; чистота была здесь во всем: в молодых побегах розмарина, придающих запах свежести нашему белью, в воде с известью, которой мы тщательно мыли полы. Мыши не шуршали за облупившимися стенами, вши или блохи не заводились у нас в волосах или в простынях, уличная грязь не проникала через крепкие окна или дверные щели. Может быть, жизнь в Обазине была серой, регламентированной правилами и во всем предсказуемой, но она была идеально чиста.

Меня удивляло, как хорошо мы здесь питались. Кормили нас три раза в день – горячая овсяная каша и суп, свежий козий сыр, теплый хлеб только что из печи, фрукты и овощи

из своего сада и огорода, ветчина и жареная курица, а на Рождество даже сладкий пудинг с изюмом. Но мне все было мало; пришлось научиться скрывать свой вечный голод, как и свое недовольство; я упорно отвергала все предложения подружиться и всегда старалась держаться только с Джулией.

– Вот видишь? – часто говорила она. – Здесь нам очень даже неплохо.

И действительно, нам было неплохо, как ни противилась я признавать это. Не сказать, конечно, что в монастыре жилось легко и вольготно. Девочки мы были живые, подвижные, и от этого страдала наша учеба. Очень скоро я поняла, что к учебе у меня нет никаких способностей, в отличие от Джулии, которая аккуратно заполняла свои тетрадки правильным, красивым почерком, и рядом с ними мои тетрадки, все в кляксах и исправлениях, выглядели очень неопрятно. Монашка, которая курировала наш класс, сестра Бернадетта, каждый день оставляла меня на час после занятий, но это было бесполезно, все равно я писала как курица лапой.

– Ты должна постараться, Габриэль, – уговаривала меня сестра Бернадетта. – Ты не любишь писать, вот и не стараешься. Если хочешь добиться успеха, всегда надо стараться.

«Старайся, старайся, старайся» – эти слова я слышала с утра до вечера. Это выводило меня из себя, я очень расстраивалась, потому что прежде считала себя сильной и способной, и Джулия так всегда говорила, а теперь выходило, что я ни на что не способна.

Впрочем, огромное удовольствие я получала от чтения. Быстро расправившись с детскими сказками, я перешла к книгам серьезней, и монастырская библиотека стала моим излюбленным местом, где я могла подолгу рыться в книгах. Благодаря книгам я словно сама побывала в тех местах, о которых и мечтать не могла, я буквально глотала одну книгу за другой, начиная с Житий святых и кончая историями о героях древности и мифами. Мне даже стало нравиться шествие в часовню, которое мы совершали два раза в день, потому что рисунки на дорожке, непонятные символы и знаки, связанные с монастырем, например пятиконечная звезда, казались мне загадочными и возбуждали любопытство. Но вот молитвы, как и уроки, были для меня сущим мучением.

Закрыв глаза, я пыталась говорить с Богом. Я спрашивала у Него, вернется ли за нами Рара, увижу ли я снова своих братьев. Мне очень хотелось ощутить Его присутствие. Монахини постоянно твердили нам, что Бог слышит все, что мы Ему говорим, что Он слышит нашу молитву. Но я ничего не чувствовала, кроме твердого пола, от которого болели коленки. И как я ни старалась, я слышала только свой голос, эхом звучащий у меня в груди. Я незаметно поглядывала на других девочек, видела их доверчивые лица, воздетые вверх, словно к небесам, исполненные чистой веры взоры. У Джулии всегда было при этом такое лицо, будто она переносилась куда-то в иные сферы, где сам Господь беседовал с ней.

Почему же я не чувствовала такого же утешения? Почему Бог не обращал внимания на мои молитвы?

Я стала искать пути, как улучшить мои достоинства. Постепенно я стала понимать, что в своем упорядоченном мире монахини ценят тех людей, кто усердно трудится, смиренно и без суеты, в частности тех, кто часами может сидеть на одном месте, вышивая монограммы на приданом для каких-то неизвестных женщин. Сестры в Обазине прекрасно умели шить и вышивать, и им платили за эту работу деньги, которые потом шли на содержание сирот.

О, эти бесконечные стежки, монотонная работа иголки с ниткой! Я воображала себе все эти груды простыней и наволочек, носков и передников, юбок и ночных сорочек, вздымающиеся на стеллажах до самых стропил. Невозможно представить, что кто-то нуждается в таком огромном количестве этих вещей. И тем не менее поток их не прекращался, как вода, льющаяся на мельничное колесо. Кончики пальцев моих так огрубели, что я уже ничего ими не чувствовала, даже уколы иголкой. Каждый день я приступала к новому заданию с жаром, каковой сестра Бернадетта хотела бы видеть у меня на занятиях грамматикой. Только здесь

я могла отличаться, только здесь я выделялась среди других. Мама часто говорила, что я словно родилась с иголкой в руке.

Однажды мне дали задание подрубить целую простыню. В конце дня сестра Тереза, которая заведовала нашей швейной мастерской, ходила между столами и внимательно наблюдала за нашей работой. Она остановилась у моего столика и взяла сложенную простыню:

– Какие красивые у тебя стежки. Габриэль, кто научил тебя так шить?

– Мама, – ответила я. – Она была швеей. И я иногда помогала ей.

– Сразу видно. У тебя прекрасно получается. Сколько тебе лет?

– Скоро будет четырнадцать, сестра. – Произнеся эти слова, я сама удивилась. Неужели так быстро прошли целых два года?

Сестра Тереза взяла мою руку и стала ее разглядывать.

– Какие маленькие у тебя ручки. Идеальные для шитья, – улыбнулась она. – Если так пойдет дело, скоро ты и сама станешь швеей, откроешь свою мастерскую. Ты бы хотела открыть свою мастерскую?

Я никогда не думала об этом. Для меня стать швеей значило разделить судьбу своей матери, с утра до вечера чинить чужую одежду; жалкая работа, такой много не заработаешь. Теперь у меня каждый день есть еда, не очень-то хочется снова голодать. Но вот иметь собственную мастерскую...

– Да, сестра, – тихо ответила я. – Мне кажется, хотела бы.

– Хорошо. В следующий раз я попрошу тебя украсить вышивкой носовой платок. Хорошая швея должна досконально знать все стороны своей профессии. – Она окинула меня строгим взглядом. – А это значит, надо знать и грамматику, и математику тоже, поэтому, я надеюсь, ты будешь очень стараться и на уроках сестры Бернадетты.

Она повернулась и пошла по проходу обратно, а я облегченно вздохнула. Что ж, если сестра Тереза считает, что я могу проторить свою дорогу в жизни, может, это и вправду так.

А увидев, как сестра Тереза, глядя на наволочку Джулии, укоризненно качает головой, я только укрепилась в этой мысли. Возможно, моя сестра умеет хорошо писать, но руки ее, столь искусно обращающиеся с пером, иголку держать не умеют, становятся неуклюжими и неловкими.

Со своего места Джулия бросила на меня унылый взгляд, а Мари-Клер, кудрявая блондинка, наша соседка по dormitorio, любимица всех монахинь, всегда неизменно вежливая и обходительная, но за их спиной насмехавшаяся над ними, криво усмехнулась.

– А стежки-то у тебя на простыне все наперекосяк. Ты никогда не станешь швеей. Из тебя вообще ничего путного не выйдет, – прошипела она.

Она злилась на меня, потому что я отказалась присоединиться к кружку ее обожателей, а я в свою очередь презирала Мари-Клер, потому что она безжалостно дразнила Джулию. Я всегда защищала сестру, но, видя, как округлились ее бедра, как похорошела ее девичья грудь (не то что у меня, я все еще оставалась плоская как доска), все остальные девчонки ей просто завидовали. Это наша Антуанетта была еще совсем ребенок и жила в детском крыле, а Джулии уже исполнилось пятнадцать, она, в сущности, превратилась в женщину, и ее красота, ее робкий, застенчивый вид вызвали зависть и делали из нее мишень для насмешек. Мари-Клер и ее подруги совали Джулии в туфли тряпицы со следами менструации, плясали вокруг нее, взявшись за руки, хором обзывая ее нехорошими именами, пока однажды я не набросилась на них с кулаками и не пригрозила кое-кому выбить зубы, если они будут так продолжать.

А теперь я внимательно рассматривала шов, о котором говорила Мари-Клер. А когда увидела, что она права, то чуть не задохнулась от ярости. Шов-то и вправду оказался неров-

ным. Мне вдруг захотелось схватить ножницы и искромсать простыню в клочья, но я все-таки взяла себя в руки.

– А зато я знаю, что ты делаешь по ночам под одеялом. Когда вырастешь, станешь шлюхой. Придется изгонять из тебя нечистую силу, как из луденских монахинь.

Я до сих пор еще не совсем понимала, что такое шлюха, но чтение книг подсказывало, что это нехорошая, грязная женщина, а увидев, как вспыхнуло испуганное лицо Мари-Клер, сразу поняла, что попала в точку, и губы мои сами собой разъехались в довольной улыбке.

Но Мари-Клер, недолго думая, тут же доложила обо всем сестре Терезе.

– Габриэль Шанель – злобная тварь, – прошипела она. – Говорит, что я одержима бесами, назвала меня шлюхой.

– Габриэль! – горестно воскликнула сестра Тереза и немедленно потащила меня к аббатисе.

– Это правда, что мне про тебя сообщили? – спросила аббатиса, позвякивая связкой ключей на поясе.

– Да, преподобная матушка, – послушно ответила я.

Ну вот, мелькнула мысль: я ведь только что нашла себе цель в жизни, а сейчас меня возьмут и вышвырнут отсюда за плохое поведение.

– Ну а ты хоть знаешь, что приличные дамы таких слов не употребляют? Где ты научилась таким словам?

– В книжках написано, матушка. Я... я читать люблю.

– Читать? – как эхо переспросила аббатиса.

Она и представить себе не могла, что я сейчас уже могу повторить по памяти все деяния и подвиги Карла Великого, пересказать историю нашего монастыря со дня его основания священником Этьеном Кающимся до осквернения в дни Революции, но мне не хотелось хвастаться, ведь это тоже было бы неприлично.

– И много ли ты читаешь, дитя мое?

Вопрос был задан прямо, без обиняков, но я не могла понять, хочет она похвалить меня или в ее словах кроется какая-то ловушка.

Я опустила глаза. Разве тут можно ответить правдиво, сказать, что чтение для меня – бегство от реальности, ведь меня отправили в этот монастырь, не спрашивая моего согласия?

– Только тогда, когда я могу этим укрепить свою веру, – наконец пробормотала я.

– Понятно. – Аббатиса облегченно вздохнула. – Искать Божественную истину похвально при условии, что это не ведет к искушению. В сердце простой девушки не должно быть места для бесплодных желаний и амбиций. Мы должны покоряться только воле Всемогущего Бога.

Слова ее прозвучали жестко, у меня даже дыхание перехватило. Если желания – грех, значит ли это, что я обречена? Но разве я не молилась Богу, не просила Его помочь мне найти то, к чему у меня есть способности?

Но аббатиса на этом отпустила меня, правда, кое о чем предупредила:

– С этой минуты я ограничиваю твой допуск в библиотеку. Тебе надо поменьше читать и побольше молиться. И чтобы больше никаких разговоров о бесах, ты меня поняла? – прибавила она, когда я направилась к двери. – Другие девочки тебя уже боятся. Скромнее надо быть. Мне кажется, Габриэль, ты слишком много думаешь. Тебе надо научиться быть терпимой к людям.

С таким же успехом она могла попросить меня достать луну четками. Но с этого дня я старалась хотя бы внешне вести себя смиренно. Через некоторое время ограничения допуска в библиотеку смягчились, а престарелая сестра Женевьева, заведующая библиотекой, после второго завтрака вечно клевала носом и не слышала, как я, крадучись, на цыпочках, проходила мимо, спрятав под передником очередную книжку. И когда в свободное время дру-

гие девочки уходили на двор, играли, прыгали через скакалку, я забиралась куда-нибудь в тихий уголок и читала. Читала и по ночам под одеялом в тусклом свете свечного огарка, рискуя устроить в dormitorio пожар. Читала и во время мессы, делая вид, что держу в руках сборник церковных песнопений, и обрекая свою бессмертную душу на вечные муки. Другие девочки знали об этом, но никто не осмеливался донести на меня. Все хорошо помнили мою отповедь Мари-Клер. А у каждой из них тоже были свои секреты.

В общем, мне нужно было лишь быть осторожной и не попадаться.

Чтобы посмотреть, как я умею вышивать, сестра Тереза дала мне носовой платок и показала в книге рисунок цветка камелии.

– Я хочу, чтобы ты украсила этот платочек по краям вот такой вышивкой. Справишься?

Я кивнула и стала внимательно разглядывать рисунок, пока не запомнила все его нюансы. Потом, не обращая внимания на быстрые взгляды Мари-Клер, подшивающей ночную сорочку, вдела нитку в иголку и стежок за стежком принялась вышивать. Работа оказалась не такой уж простой. Вышивала я в жизни всего несколько раз, когда помогала матери, по большей части это были простенькие узоры на манжетах, а этот рисунок был гораздо сложнее, со скругленными углами, и здесь требовалась большая аккуратность и точность. Я несколько раз ошиблась, и пришлось переделывать; подняв один раз глаза на Мари-Клер, я увидела, что она самодовольно ухмыляется. Стиснув зубы, я решила довести работу до конца, чего бы это мне ни стоило, пусть увидит, на что я способна. Но едва я закончила вышивать первую камелию, ко мне подошла сестра Тереза:

– Ого, Габриэль, да ты молодец, очень даже красиво получается.

Я тут же позабыла и про Мари-Клер, и про всех остальных. И сразу наша мастерская со стропилами наверху и белыми оштукатуренными стенами, с большим распятием над дверью, рядами столов, над которыми склонились девичьи головы, словно перестала для меня существовать. Остались только я и моя иголка, с каждым стежком которой, как по волшебству, рождались камелии. И когда в следующий раз я подняла голову, то с изумлением обнаружила, что в комнате, кроме меня, никого нет.

Я встала и поморщилась от боли – отсидела задницу. Поднялась со своей табуретки в углу и сестра Тереза. Она медленно, словно плыла по воздуху, подошла ко мне. Подол ее одеяния колыхался и отбрасывал на пол подвижные тени.

– Ну что, закончила? – спросила она, и я кивнула.

И до меня вдруг дошло, что за работой я забыла обо всем, кроме своих расцветающих перед глазами камелий, пропустила молитвы, а также, судя по всему, и обед. А вдруг она скажет, что я не справилась?

Сестра Тереза взяла платок, перевернула, чтобы посмотреть на крохотные узелки с изнанки, потом внимательно оглядела вышивку.

– Прекрасная работа, – тихо сказала она, и я, не веря собственным глазам, увидела, как увлажнились ее глаза. – Просто прекрасная, деточка. В первый раз в наших стенах я вижу девушку, которая так хорошо вышивает.

Я не знала, что ей ответить. Ее похвала была столь неожиданна, что я смотрела на платок в ее руках и молчала.

– Когда я поняла, как это нужно делать... стало уже не очень трудно, – пробормотала я.

– Не очень трудно? Да это же один из самых сложных узоров, сложнее я просто не нашла! Камелия – святой символ нашего ордена, мы выращиваем ее в нашем саду, но мало кому удастся воспроизвести этот цветок так красиво. – Она помолчала. Следующие слова она произнесла так тихо, что я едва их расслышала. – Неужели сам Господь водил твоей рукой? Не сам ли Бог говорит с тобой?

Я посмотрела ей прямо в глаза. Вот наконец предо мной шанс заработать вечную награду. И если бы я солгала, то могла бы стать сначала послушницей, а потом монашкой

и до конца дней своих укрыться, замуровать себя в безопасной тиши этого монастыря. Но сестра Тереза так нетерпеливо смотрела на меня, что я не могла заставить себя обмануть ее.

Не говоря ни слова, я отрицательно покачала головой.

Она глубоко вздохнула:

– Не бойся, тебя не ждет кара Божия. Господь всех нас любит. Он не может заставить всех и каждого служить только Ему одному. Мы нужны Ему всякие, и в миру тоже.

– Я боюсь, – подняв голову, прошептала я.

Еще никогда и никому я не признавалась в этом, даже Джулии. Страх был моим злейшим врагом, он мог пустить в душе моей корни и остаться в ней навсегда.

Сестра Тереза улыбнулась:

– Тебе нечего бояться, глупышка. Ты разве не знаешь о том, что мы будем присматривать за тобой, помогать, если надо, даже когда ты покинешь нас? Всех, кто подает мало-мальские надежды, по достижении восемнадцати лет разошлют по другим монастырям совершенствовать свое мастерство и подыскивать место. Это наш долг. Мы не хотим, чтобы наши девочки сбились с пути.

– Это правда? – недоверчиво спросила я.

– Мы сделаем все, что в наших возможностях, – закивала она. – Ты не должна ничего бояться, я сердцем это чувствую. Твое мастерство спасет тебя, дитя мое. Бог и в самом деле любит тебя, Габриэль. Не сомневайся в этом.

4

Весной и летом по воскресным дням нас выпускали из монастыря погулять на природе. Лично я никогда не понимала, зачем нас держат взаперти, – ворота монастыря всегда были закрыты на засов. Бежать было некуда: Обазин окружен горами и густыми лесами. Да и куда мы пойдем, если нам выдавали по две пары обуви и чулок, по две сорочки, одному плащу, перчатки и шерстяную шляпу и носили мы эту форменную одежду до тех пор, пока она не расплзалась по швам?

И все равно девочки с нетерпением ждали, когда же начнется ритуал отпирания ворот. Шум стоял оглушительный, мы всей толпой с восторженными криками выбегали на свежий воздух, и, как ни бранились, как ни распекали нас монахини, они не могли подавить наши распирающие грудь чувства, и радостные крики летели до самых вершин, возвышающихся над долиной. Открывались корзинки с припасами, раздавался хлеб и сыр. Даже монахини, сбившись в кучку, сидели, с удовольствием подставив лица солнечным лучам.

Это случилось во время одной из таких вылазок в конце июля, незадолго до моего дня рождения, когда мне должно было исполниться восемнадцать лет.

– Скоро ты нас покинешь, – неожиданно сказала Джулия.

Я скользнула по лицу сестры взглядом. Мы сидели на берегу горной речки, болтали ногами, опустив их в ее быстрые воды, питающие и рыбный пруд на территории монастыря. Теперь поток был полон тающего горного снега. Это был редкий день, когда нам разрешили сбросить за пределами монастыря чулки и туфли.

– День рождения у меня еще в августе, – отозвалась я. – А если ты до сих пор не ушла из монастыря, зачем тогда мне уходить?

Вообще-то, я уже не раз задумывалась, почему Джулия остается в монастыре. Восемнадцать лет ей исполнилось еще в сентябре, и мы с ней со страхом ожидали, когда же аббатиса призовет ее к себе. Но этого так и не произошло.

– Ты что, решила постричься в монахини? – спросила я.

Дело в том, что я сама еще не знала, как реагировать, если услышу утвердительный ответ. Похоже, Джулия смирилась с мыслью о том, что всю оставшуюся жизнь проведет в Обазине, тогда как я после разговора с сестрой Терезой уже прикидывала, как буду жить за пределами монастырских стен. Ее вера в меня, ее убежденность в том, что я искусная швея, придавали мне уверенности в себе, и, хотя будущее виделось весьма неопределенно, я уже предвкушала тот день, когда смогу выйти из монастыря и броситься в бурное житейское море.

– Ах, если бы я только могла, – вздохнула Джулия и умолкла. – А ты? – помолчав минуту, спросила она. – Сестра Тереза всегда хвалит твою работу. И даже сестра Бернадетта все меньше к тебе придирается.

– Сестра Бернадетта подняла лапки вверх. Примирилась с фактом: я никогда не смогу выучиться грамматике и чистописанию.

– Габриэль, ты не ответила на мой вопрос.

Я выдержала ее пристальный взгляд.

– Нет, – наконец сказала я. – У меня нет призвания стать монахиней. Это не для меня.

Я чуть было не проболталась ей, что обо мне говорила сестра Тереза. Я сама не вполне понимала почему, но не стала открывать сестре, что эта монахиня уверена в моей способности самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. А поняла, только услышав слова Джулии:

– Они сами не знают, что со мной делать. Я не умею шить, у меня ничего не получается, а куда в таком случае я пойду? Если меня отпустят сейчас... – Она снова замолчала. Как и я,

она, по-видимому, тоже тревожилась о своем будущем. – Вот ты другое дело, – продолжила она со слабой улыбкой, – ты можешь делать все, что хочешь. У тебя талант.

Я рассмеялась. Да так неожиданно, что вздрогнула не только она, но и я тоже. Смех получился какой-то резкий, как у отца, какой-то слишком уж громкий и грубый, даже странно, как он мог родиться в моей узенькой груди. С монахинями меня сближало то, что смеялась я очень редко.

– Черт возьми, Джулия, с чего ты взяла?! Если я умею подрубать простыни и вышивать по рисунку, это еще ничего не значит.

– Нет, значит, – торжественно и важно заявила она, как и в тот день на кладбище, когда умерла наша мама. – Может, ты еще сама этого не видишь и не понимаешь, а может, и не хочешь понять, а вот сестра Тереза все понимает, да и преподобная матушка тоже.

– Ха-ха, – сказала я и пошевелила пальцами ног: они уже стали замерзать, но не хотелось вынимать их из воды. – Твоя преподобная матушка не разрешает мне ходить в библиотеку и брать книги. Заставляет меня молиться лишние несколько часов и учить наизусть Послания апостолов. Не очень-то верится, что она думает, будто у меня есть талант.

Еще даже не договорив, я вдруг поймала себя на том, что затаив дыхание жду ответа Джулии. Сестра Тереза действительно говорила, что я самая умелая из всех, кого она обучала шить. Но значит ли это, что у меня есть талант?

– Преподобная матушка только испытывает тебя, поскольку знает, что ты не такая, как все. Она знает, что ты во всем сомневаешься, во всем хочешь разобраться сама. И еще знает, что ты украдкой таскаешь из библиотеки книги.

– Не может быть!

Джулия вскинула брови:

– Сестра Женестьева не слепая. И всем известно, что ты читаешь каждую свободную минутку. Ты что, думаешь, свечки у тебя под одеялом невидимые? Думаешь, никто не замечает, как ты выставляешь коленки под простынями, стараешься скрыть, чем ты занимаешься?

– Ну ладно... По крайней мере, я не занимаюсь тем, чем Мари-Клер под одеялом, – усмехнулась я.

Джулия снова вздохнула:

– Тебя пошлют в другой монастырь, а уж там выйдешь на свободу и найдешь себе место. Нет, ты не кончишь жизнь, как наша мама. Или как я.

Я сжала ее руку:

– Да что ты, я никогда не оставлю вас с Антуанеттой. Что бы ни случилось. Если у тебя нет призвания стать монахиней, подыщем и тебе подходящее занятие. Только не позволяй Мари-Клер с ее подружками третировать себя. Они делают это только потому, что считают тебя слабой.

Она посмотрела на наши переплетенные руки:

– А я и есть слабая. Я совсем не похожа на тебя, Габриэль.

– Значит, ты должна научиться быть сильной. Будешь давать слабину, на тебе все кому не лень станут верхом ездить.

Монахини объявили, что пора возвращаться. Девочки, которые лазили по скалам, вернулись с измятыми юбками, а мы с Джулией подхватили туфли с чулками и затрусили вниз по склону холма, туда, где нас ждали монахини.

Мы присоединились к остальным и направились к монастырю, и я вернулась к прежнему разговору:

– Не знаю, есть у меня талант или нет, но я сделаю все, чтобы с вами ничего не случилось.

– Да, – отозвалась Джулия, не поворачивая головы. – Не сомневаюсь, ты постарайся.

* * *

День, когда мне исполнилось восемнадцать лет, начался, как и всякий другой день: нас разбудил звон колокола, еще совсем сонные, мы собрались в часовне, потом был завтрак, развод по урокам и ежедневным обязанностям. Я вышивала узор на наволочке и все поглядывала на дверь, ожидая, когда меня вызовут к аббатисе. Я была так рассеянна, что работала спустя рукава, пока на это не обратила внимания сестра Тереза.

– Габриэль, что с тобой сегодня? – недовольно проворчала она. – Посмотри, как ты тут напутала. На тебя это так не похоже.

Я взглянула на свою вышивку и увидела, что она права: нитки у меня спутались, образовалось много узлов.

– Распусти и начни сначала, – приказала сестра Тереза. – Немедленно, слышишь?

После того триумфа, когда мне удалось вышить камелии на носовом платке, я уже редко делала ошибки. А если и ошибалась, никто другой не ругал меня так, как ругала себя я сама, и добиться успеха мне помогало страстное желание сделать красиво, стремление к совершенству. А тут вдруг я ощутила отвращение к шитью.

– Я что-то плохо себя чувствую, – отозвалась я. – Овсяная каша утром была какая-то странная, живот разболелся. Можно, я в туалет выйду?

– Да-да, конечно, но долго не задерживайся, – махнула рукой сестра Тереза.

Я пулей выскочила в коридор и рванула на шее высокий воротничок. Я чувствовала, как моим легким не хватает воздуха. Добежав до крытой галереи, я перешла на шаг. Сколько раз я ходила по этим галереям, окружавшим фонтан. В воздухе стоял густой аромат белых камелий. Все здесь было мне знакомо, я изучила все как свои пять пальцев, вплоть до мозаики на дорожке, за несколько сот лет истертой тысячами подошв настолько, что изображения были уже почти неразличимы.

Сама не знаю почему, сейчас я остановилась и стала разглядывать мозаику, стараясь разобраться, что там когда-то было изображено, будто могла тем самым облегчить свое смутное состояние, где смешалось и некое облегчение, и разочарование, терзавшее мне грудь. Значит, аббатиса решила, что я еще не готова. Она намеревается оставить меня здесь, как и Джулию, пока я не объявлю, что хочу стать монахиней, или не состарюсь настолько, что меня просто нельзя будет прогнать из монастыря.

– Они символизируют число пять.

Я вздрогнула и резко обернулась. За спиной стояла аббатиса.

– А ты разве не знала? – спросила она с насмешливой ноткой в голосе. – Я-то, грешным делом, думала, что ты перечитала все имеющиеся у нас книги и прекрасно знаешь значение этих символов.

Я снова взглянула на мозаику:

– Пять? – Теперь я действительно увидела: пять одинаковых символов или пятиконечных звезд, повторяющихся снова и снова. – А почему именно пять?

– Если бы ты столько же внимания уделяла катехизису, сколько всяким посторонним вещам, то знала бы: число пять для нас священное число, это идеальное воплощение Божьего творения: воздух, земля, огонь, вода... и, что самое главное, дух. Все, что мы видим вокруг, содержит в себе эти пять элементов. Пять – это самое священное и на небесах. – Она помашила меня рукой. – Пойдем. Я посылала за тобой в мастерскую, но сестра Тереза просила передать, что ты плохо себя чувствуешь.

Она не стала задавать вопросов о причине моего недомогания. Я молча шла за ней, сердце в груди бухало так сильно, что отдавало в ушах, и мне пришлось усилием воли заставить себя не прижимать к нему руку, чтобы унять этот стук.

Мы вошли в кабинет, аббатиса указала мне на табуретку перед ее рабочим столом. Я послушно села, а она подошла к окну. Молчание длилось так долго, что я испугалась: уж не собирается ли она отчитать меня за непослушание, ведь она приказала, чтобы ноги моей больше не было в библиотеке.

Внезапно аббатиса нарушила молчание:

– У меня есть для тебя добрая весть. И хотя ты сомневаешься в милосердии Господа, Он наблюдает за тобой и твоими сестрами с благоволением.

А-а, значит, правда, она хочет, чтобы я постриглась в монахини. Давно решила все за меня. Вокруг меня неожиданно сомкнулись тяжелые стены. Я, конечно, благодарна за то, что монахини заботились обо мне, обеспечили кров и спокойное существование, дали возможность найти себя. Я давно смирилась с мыслью, что отец уже никогда не придет за нами, да он и не собирался. Но мне ведь нужно как-то поддерживать своих сестер. Как я стану делать это, если постригусь в монахини?

Аббатиса повернулась ко мне:

– Я написала твоим родственникам. Правда, не сразу разыскала их, но они ответили и сообщили, что хотят забрать тебя к себе.

– Родственникам? – как эхо повторила я. – Но у меня нет родственников, преподобная матушка.

Я знала, что говорю. Хотя я давно уже перестала ждать чего-нибудь от отца, но не забыла, как сестры моей матери буквально прогнали нас: с глаз, как говорится, долой, из сердца вон, ни одна из них не захотела брать на себя ответственность за нас.

– Нет-нет, у тебя есть родственники, – возразила аббатиса и взяла со стола какую-то бумагу. – Сестра вашего батюшки, мадам Луиза Костье, ответила на наше письмо и сообщила, что может устроить вас с Джулией, вместе с ее собственной младшей сестрой Адриенной, в монастырь Святого Августина в Мулене, рядом с которым они проживают. И вы сможете проводить в их доме каникулы, а тем временем искать место ученицы с тем, чтобы в дальнейшем выйти в люди и самостоятельно зарабатывать на хлеб. – Объявив мне все это, она замолчала, ожидая ответа.

Я сидела, крепко стиснув руки. Именно об этом мне и говорила сестра Тереза, именно такой весточки я и ждала. Но, не глядя даже на письмо, которое аббатиса держала в руке как некое полученное с небес знамение, я твердо произнесла:

– Я не знаю никакой мадам Луизы Костье. Должно быть, вас ввели в заблуждение, преподобная матушка.

Душа моя как бы нарочно протестовала против слов аббатисы, хотя я прекрасно понимала, что никто не осмелился бы ввести ее в заблуждение или обмануть. Я своими глазами видела письмо, доказывающее правоту слов аббатисы, но, с другой стороны, откуда могли взяться у меня родственники, желающие принять меня? И где они были все эти семь лет?

– Я уверена, что это не так. Может быть, ты не знаешь, но родители твоего батюшки еще живы, они живут в небольшом городке под Муленом. Луиза – их старшая дочь, она уверяет меня в письме, что если бы знала, что ты и твои сестры находитесь здесь, то обязательно приехала бы повидаться с вами.

Ногти больно вонзились в мои ладони. Повидаться? Ах, она приехала бы повидаться, но отнюдь не забрать нас отсюда! Я оказалась права, и я не хочу ее видеть. Что касается меня лично, я не сомневаюсь, что эта Луиза Костье ничем не лучше других наших тетюшек, такая же черствая душонка, скроенная из того же грубого материала.

Наверное, мое раздражение не укрылось от глаз аббатисы.

– Вижу, ты, как всегда, проявляешь упрямство. Я серьезно боюсь за тебя, весь твой характер передо мной как на ладони, ты всем и всегда недовольна. И все же сестра Тереза уверяет меня, что Господь не разделяет моей озабоченности. – Она так и не отдала мне

письма, и теперь я сидела как на иголках, едва удерживаясь, чтобы не вскочить и не выхватить его из рук аббатисы. – Итак, готовься к отъезду. И сообщи Джулии радостную весть. Смотри, чтобы я не слышала на тебя никаких жалоб. И выбрось из головы свои недостойные сомнения. Ты меня поняла?

– Да, матушка.

Я стояла, не чувствуя под собой ног. Кое-как повернулась к двери и застыла на месте, пытаюсь осмыслить всю громадность случившегося. Как только откроются ворота монастыря и выпустят меня в мир, они закроются за моей спиной навсегда, если только я не стану умолять о позволении постричься в монахини. Попав в монастырь, я всегда хотела только одного: поскорей выбраться отсюда. Теперь же, когда настал этот момент, я колебалась. А если у меня ничего не выйдет? Что станет с нами, со мной, с Джулией и Антуанеттой? Иголкой швеи воевать с жестоким миром не так-то просто: маму это оружие не спасло. Спасет ли оно меня и моих сестер?

Я набралась храбрости и оглянулась. Возможно, впервые с тех пор, как я перешагнула порог кабинета аббатисы, она заметила оживший в моей душе страх.

– А что будет с Антуанеттой?

– Закончится ее срок пребывания здесь, и она тоже отправится в монастырь Святого Августина. – Аббатиса помолчала. – Помни о моем предостережении, Габриэль. В сердце простой девушки не должно быть места для бесплодных желаний. В жизни порой надо стремиться к чему-то совсем простому.

Я вышла, а она осталась сидеть за столом с письмом в руке от некой тетюшки, которой я никогда в жизни не видела.

5

Я смотрела на нее и видела себя, с единственной разницей, что с самого рождения эту девушку баловали и нежили и ей, в отличие от меня, посчастливилось иметь не только обоих родителей, но и любящую старшую сестру, вышедшую замуж за нежного и преданного человека. Одним словом, передо мной было идеальное воплощение благополучной девушки.

Звали ее Адриенна Шанель. С первого взгляда мне захотелось возненавидеть ее.

Она выскочила из дому, чтобы встретить нас после нашего трехдневного путешествия от Обазина до монастыря Святого Августина. Возможно, от меня не укрылись бы все те же мрачные и унылые монастырские стены, тонкая колокольня и за двойными воротами двор, если бы я не устремила сейчас взор на ее тонкую фигуру, на пышную, как и у меня, копну черных как смоль волос. Она вела себя так, словно с самого детства нас знала, приветствуя жарким объятием и поцелуями в обе щеки, и несколько часов после этого я еще ощущала на себе запах ее лаванды.

– Как чудесно, наконец-то вы приехали, – заявила она сразу же.

Я смотрела на ее лицо, глаза с длинными пушистыми ресницами, широкий рот, стараясь обнаружить хоть малейшую тень сомнения или нерешительности. Вряд ли можно было обвинять ее в том, что она не пришла к нам на помощь, не спасла нас тогда, ведь мы с ней были одноклассницы. Когда умерла мама, Адриенна была еще совсем девочкой. И все же я поймала себя на горячем желании найти в ней хоть какие-нибудь недостатки.

– Ну вот, наконец-то мы вместе, и больше нам не надо разлучаться, никогда, – добавила она.

Я сразу заметила, что Джулия всем своим существом так и потянулась к Адриенне, излучающей поистине солнечное тепло. Мне бы вздохнуть с облегчением, поскольку надоел уже вечный скулеж моей бедной сестренки, которая со страхом смотрела в будущее, но в бездонных глубинах души уже шевелилось беспокойное чувство, еще не вполне осознанное и называемое завистью.

Но если бы я и осознала это чувство, то скорее бы откусила себе язык, чем призналась в нем. Я ведь прежде никогда и никому не завидовала. Как же теперь признаться себе в том, что мне так хочется быть похожей на мою добрую, великодушную тетюшку?

В последующие несколько недель от нее нигде не было мне спасения. Нам обеим было по восемнадцать лет, и меня поместили в тот же dormitorio, что и Адриенну. Очень скоро я узнала, что это помещение предназначено для девушек из бедных семей, а вот дочери уважаемых семей, которые платили за образование дочерей, занимали куда более изысканный dormitorio в противоположном крыле. То есть снова все тот же Обазин, с такими же обидами, враждой и соперничеством. И я понимала: будучи новенькой, из нищей семьи, к тому же строптивой, одним словом, не такой, как все, я скоро стану мишенью для издевок и насмешек.

Но Адриенна без видимых усилий расчищала передо мной путь от всех помех и препятствий.

– Главное, не обращай на них внимания и не бери в голову, – сказала она, когда мы с Джулией, тесно прижавшись друг к другу, вошли в класс.

Девочки из богатых семей, в своих нелепых капорах, с пухлыми щеками, дружно повернули к нам свои носы.

– Что-то жареными каштанами запахло, – произнес кто-то.

Ага, намекают на нашу крестьянскую кровь. В Обазине я бы сразу на них набросилась. Однако Адриенна и бровью не повела. Она остановилась и спокойно оглядела их всех:

– Боже мой, Анжелика, какая очаровательная шляпка!

Та, кому адресовался столь неожиданный комплимент, покраснела как рак: ей стало стыдно своей бессердечной неучтивости.

– Спасибо, Адриенна, – проямлила она. – Кстати, ее сшила твоя сестра, мадам Костье.

– Правда? – заулыбалась Адриенна. – Очень, очень миленькая, просто прелесть. И тебе очень к лицу.

– Ты сказала «прелесть»? – не веря своим ушам, спросила я Адриенну, когда мы отошли в сторонку. – С чего ты это взяла? Капор ей совсем не идет, ни капельки. Как корове седло.

Адриенна рассмеялась. И даже смех ее был какой-то иной, возвышенный что ли, и это отличало нас друг от друга, несмотря на поразительное внешнее сходство.

– Ох, Габриэль, какая же ты чудная. Ну конечно, в этом капоре она выглядит нелепо, ясное дело. Но нельзя же всегда говорить человеку то, что думаешь. Ты только представь, какая это будет жизнь, если все вдруг станут говорить друг другу то, что у них на уме, особенно если им что-то не нравится.

– Красивых шляпок станет больше, – проворчала я.

Впрочем, нельзя было не признать, что она права, что в ее словах звучит здравый смысл. А вот мне очень не хватало ее способности одним обаянием обезоруживать самых упрямых своих противников, и это, кстати, меня всегда раздражало, хотя и казалось ужасно привлекательным.

Вечером, когда двери dormitorio закрылись, девочки разбились на группы, разбрелись по своим уголкам. Адриенна потихоньку подкралась к моей кровати и залезла под одеяло.

– Ну давай расскажи какую-нибудь историю, – прошептала она.

Взволнованная ее близостью, я молчала.

– С чего ты взяла, что я знаю разные истории? – наконец спросила я.

– Да ладно тебе, не скрытничай. – Она протянула руку и ущипнула меня за нос. – Джулия уже рассказала, что в Обазине ты всю библиотеку перечитала. Значит, есть что рассказывать, истории и все такое.

Ага, выходит, Джулия уже успела с ней посекретничать. Почему только это меня совсем не удивляет?

– Могу рассказать про мучеников и про святых, – сказала я, не желая поддаваться ее чарам. – Наверняка ты сама читала про них. Тут тоже есть библиотека.

– Ну уж нет, книжек я не читаю, если только иначе никак нельзя, – ответила она, и я с удовольствием отметила ее откровенное признание в невежестве.

– Не читаешь?

– Не-а. – Адриенна откинулась на подушку, и густые волосы совершенно скрыли ее лицо. – Не люблю. Зато слушать люблю, если рассказывают. Так интересней. Герои словно оживают, я слышу их голоса, вижу их прямо перед собой, как на сцене.

Радость, с которой я встретила ее недостаток, сразу погасла.

– Ммм... Интересных историй я знаю мало, – продолжала я стоять на своем, краешком глаза наблюдая за ней, как, бывало, в Обазине наблюдала за другими девочками. – Скажи, а тетя Луиза правда делает шляпки?

– Нет, она их не делает, – ответила Адриенна. – Просто помогает украшать для местных торговцев и портных. В горячую пору берет работу в Виши, так как в мастерских там не хватает рук, не успевают с заказами. Ты когда-нибудь бывала в Виши? – Я бросила на нее сердитый взгляд, и она толкнула меня под ребра. – Вечно ты хмуришься! Морщины на лбу появятся, а ведь ты хорошенькая, очень даже. И в Виши скоро отправишься, вот увидишь. Луиза сейчас ездит туда в два раза чаще, чем обычно, отвозит товар и покупает отделку. И я с ней частенько езжу тоже. Мы и тебя возьмем с собой. Тебе очень понравится.

Я почти не слушала, что она там говорит про поездку в Виши, мне сейчас было не до этого.

– Так ты... ты считаешь меня хорошенькой?

Этот отчаянный вопрос я задала с отвращением, но приготовилась слушать, ожидая еще один быстрый и бесцеремонный ответ.

Но вместо этого она приподнялась на локте и с удивлением уставилась на меня:

– Конечно. У тебя такие тонкие, выразительные черты лица. Ты вообще ни на кого не похожа.

– А Джулия говорит, я похожа на тебя. Говорит, мы с тобой больше похожи на сестер, чем с ней.

– Правда? – Адриенна, казалось, искренне удивилась. – Ну, в общем-то, есть, конечно, некоторое фамильное сходство. Как не быть? Ведь твой отец – мой старший брат! Конечно, мы внешне как сестры. Темные глаза, смуглая кожа, да еще эти великолепные волосы. – Она тихо засмеялась. – Но это только внешне. Внутренне, я думаю, мы с тобой совсем разные.

И снова я обнаружила, что у Адриенны есть совершенно неожиданные черты характера.

Она отодвинулась и в упор посмотрела на меня:

– Тебе, должно быть, все это кажется жутко наивным.

Я онемела. Она что, забыла? Я ведь только что вышла из монастыря, расположенного где-то на краю света.

– Кем бы ты хотела стать, очень-очень, когда мы выйдем отсюда? – спросила она. – Осталось всего два года. Я думаю, ты должна стать актрисой. Или, скажем, *grande cocotte*. Да-да, это тебе очень пошло бы! Ты бы ходила в оперный театр с жемчужным ожерельем на шее, и от одного взгляда твоих бесстыдных черных глаз мужчины падали бы перед тобой на колени.

Ну как тут не рассмеяться? Просто невозможно было удержаться. Зажав ладонью рот, чтобы было не очень громко, я гоготала так, что узенькая кровать тряслась и раскачивалась. Когда веселье улеглось, я увидела, что она с любопытством разглядывает меня.

– У меня нет никакого желания становиться этой... Как ты ее назвала?

– *Grande cocotte*, – ответила она. – Куртизанка.

– Ага. Но я не хочу быть куртизанкой и не хочу, чтобы мужчины падали передо мной на колени. Вот у тебя это получилось бы здорово.

– Нет, ты ошибаешься. – Адриенна покачала головой. – Я хочу выйти замуж по любви.

Вот оно что. А она, оказывается, еще и дурочка. Выйти замуж по любви невозможно, только наивные девочки верят, что такое бывает. Даже я это знаю.

– Я всегда мечтала встретить мужчину, который влюбится в меня без памяти, – продолжала она, не догадываясь, что я слушаю ее с усмешкой в душе. – Чтобы он был красивый и обходительный, не обязательно богатый или благородного происхождения – хотя это не помешает, – но добрый и рассудительный, который хочет на мне жениться, потому что жить без меня не может.

– Понятно, – сухо отозвалась я. – Интересно, у этого твоего галантного рыцаря есть имя?

– Еще нет. – Она повернулась ко мне и улыбнулась. – Но будет, в этом я не сомневаюсь. Мы с ним встретимся и...

– И ты упадешь перед ним на колени, – перебила я, но, увидев, как она вздрогнула, прибавила более мягко: – Или он перед тобой. В конце концов, это все равно. Так говорят.

Она так и просияла:

– Ну а ты что? Я рассказала, о чем мечтаю. Теперь твоя очередь.

– Я... Да ни о чем я не мечтаю, – запинаясь, ответила я. – Знаю одно: хочу что-то делать.

– Делать? – как эхо повторила она, словно впервые услышала это слово.

– Ну да. Быть кем-то.

Надо же, прежде я и не думала об этом, просто в голову ничего такого не приходило, я и не подозревала, что во мне таятся такие мысли. Она сейчас станет надо мной смеяться, подумала я, потому что моя мечта была еще более нелепой и смешной, чем ее собственная. У меня за душой ни гроша, к тому же я женщина. Хорошо бы найти хоть какую-нибудь работу – это уже был бы огромный успех.

Но Адриенна задумчиво смотрела на меня, и по ее лицу видно было, что она считает, будто такое вполне возможно.

– Думаю, у тебя получится, – наконец сказала она. – Мне кажется, ты сможешь делать все, что захочешь. Тебе нужна лишь благоприятная возможность.

– А возможности описаны в книгах, – резко отозвалась я. – Надо только уметь выбрать.

– Похоже, ты уже выбрала. Ты хочешь кем-то стать в этой жизни. – Она поцеловала меня в щеку, откинула одеяло и вернулась на свою кровать.

6

Варенн-сюр-Алье – городишко так себе. Подобные ему я уже успела повидать в детстве: горстка тесно сгрудившихся в одном месте, побеленных известкой жилых домов и прочих строений, вокруг которых проходит дорога, где любая, даже самая маленькая повозка, трясущаяся куда-то вдаль в поисках лучших мест, поднимает огромные клубы пыли.

В городке, окруженном пшеничными полями, рядом с постоянным двором и железнодорожной станцией, где работал мой дядя Костье, стояла старинная церковь. Когда мы шли по дорожке мимо огородов к дому тети Луизы, простому каменному строению с красной черепичной крышей, мужчины снимали перед нами береты, а одетые во все черное вдовы провожали нас долгими взглядами. У входа в дом стояла опрятного вида женщина и махала нам рукой. Ее сходство с моим отцом, Адриенной и мной было поразительным. Ну конечно, она ведь тоже сестра моего папы, как и Адриенна. Но почему же тогда меня вдруг охватило острое желание поскорее бежать без оглядки? Разве я не хотела жить с ними, разве не хотела стать членом их семьи? В глубине души – да, хотела, но я кипела от злости, что эти самые люди в свое время не потрудились найти нас. На языке у меня вертелась тысяча вопросов. Почему они бросили нас в трудную минуту? Известно ли им что-нибудь об отце и братьях? Но я промолчала. В Обазине меня научили сдержанности.

– Боже мой, вы только посмотрите на нее! – воскликнула тетя Луиза. – Так похожа на моего брата Альбера... и маленькая, как мама. Джулия, да ты у нас красавица, ну прямо как артистка какая!

Она расцеловала сестру и меня в обе щеки и повела в изысканно обставленный дом с обилием фарфоровой и серебряной посуды, что свидетельствовало о том, что после замужества она явно поднялась по социальной лестнице.

Тетя Луиза подала чай с маленькими пирожными, облитыми сахарной глазурью, и разложила салфетки.

– Ты, наверное, проголодалась, дорогая, – заговорила тетя Луиза, глядя на меня. – Не стесняйся, кушай на здоровье. Бедняжка, у тебя такой вид, будто ты неделю не ела. Неужели в монастыре так плохо кормят? Хорошо? Ну, тогда ты плохо ешь. Погляди на Джулию, вон она какая пухленькая. А ты на что похожа? Кожа да кости. Знаешь, у меня есть очень вкусный свежий хлеб и копченая ветчина. Коптили-то здесь, в Варенне! Вот, угощайся. Поешь хоть немножко. Нет-нет, кушай еще. Не стесняйся. Здесь тебе не монастырь, дорогая. Можешь есть до отвала.

Я встала из-за стола с набитым животом, и меня потащили в гостиную, в уголок, который не мог не вызвать в сердце женщины ответный отклик. Если сравнивать с другими помещениями дома, чистыми и опрятными, здесь царил легкий беспорядок: корзинки с разноцветными материалами для отделки и украшениями, обрезки кружев, катушки с тесьмой, которые валялись буквально везде, разве что не на стульях с плетеными спинками. На рабочем столе, словно пухленькие детишки перед осмотром, выстроились в одну линию несколько шляпок, работа над украшением которых была еще не закончена.

– Габриэль так хотелось поскорей увидеть это! – объявила Адриенна. – Ей очень интересно посмотреть, как ты делаешь шляпки. В монастыре я видела Анжелику в одной из таких шляпок, и теперь Габриэль только и спрашивает об этом. А она у нас девушка настойчивая.

Конечно, это было преувеличением, но вышло ловко и к месту; тетя Луиза сразу встрепелась и обратила ко мне радостный взгляд:

– Это правда? Так ты у нас тоже шьешь, дорогая?

– Да, – промямлила я, подавив отрыжку: переела-таки этой вкусной ветчины. – В монастыре я...

– В Обазине она была лучшей швеей! – воскликнула Джулия. – Монахини хвалили каждую ее работу. Она умеет подрубать носовые платки, чинить порванные рукава так, что они выглядят как новенькие. Разве не так, Габриэль?

Я неуверенно кивнула. Мне было неловко слушать неумеренные похвалы сестры.

– О, если уж монахини хвалили, то это высокая оценка, очень высокая, – сказала Луиза. – Им трудно угодить. Они такие придирчивые, им надо, чтобы все было идеально! А ты бы не хотела поработать над шляпкой, дорогая? Давай не стесняйся. Вот, возьми хотя бы эту. – Она сунула шляпку мне в руки. – Еще не закончена, а у меня их так много, боюсь, не успею к началу сезона в Виши. – Луиза обратила сердитый взгляд на Адриенну. – Вот ты скажи, думаешь, легко торговцу обучиться своей профессии? Ей-богу, он ждет до последней минуты, берет все заказы подряд, суетится, паникует, боится, что ему никто не заплатит, и так до тех пор, пока заказы не доставлены и клиент не удовлетворен, и...

Но я уже смотрела на шляпку, которую она сунула мне в руки и почти не слушала ее причитаний. Так, значит, не закончена? Лично мне казалось, что сейчас у шляпки отрастут ноги и, цокая каблучками, она выйдет в сад, сгибаясь под грузом красновато-розовых побрякушек, ленточек и оранжевых перьев.

Вдруг до меня дошло, что в комнате воцарилось молчание, я подняла глаза и увидела, что все трое выжидающе глядят на меня. Может, просто учтиво сказать, что шляпка превосходна, и поставить ее обратно к своим чересчур увешанным украшениями сестрицам? Что я знаю о шляпках? Но я продолжала внимательно разглядывать ее, все остальное для меня как бы исчезло, как это бывало в Обазине, когда я вышивала камелии на носовом платке. Я неуверенно, словно боялась, что шляпка сейчас протестующе завопит, протянула руку и оторвала перья.

Уже лучше. Но еще не совсем как надо. Я повернула шляпку, убрала одну ленточку. Ага, гораздо лучше. Выявляется ее истинная форма. Ладонью я расправила одну штучку, остальные разогнула. Теперь видны торчащие концы ниток. Нашупала на столе ножницы – чик-чик – и готово. Ну вот, теперь, кажется, можно носить.

Я еще несколько раз повернула шляпку, чтобы оценить ее критическим взглядом, и осталась довольна. С ее основой уже ничего не поделаешь – обычный дамский головной убор с лентами, чтобы подвязывать под подбородком, не очень глубокий, должен сидеть на голове весело и вызывающе-дерзко. Не идеальный, конечно, но вполне себе неплохой. Я повернулась к остальным и увидела, что и сестра, и обе тетки выпучили на меня глаза. Мне даже показалось, что на их лицах написано некое потрясение. По спине побежали мурашки. Неужели я все испортила, наверняка над этим заказом, доверенным ей модисткой, Луиза трудилась не одну неделю.

Луиза раскрыла рот. Адриенна захихикала:

– Вот видите? Что я говорила? Она у нас девица решительная.

– Да уж вижу, – сдержанно произнесла Луиза. – Явный талант, только развивать надо. – Она помолчала, разглядывая обновленную шляпку, словно еще не решила, сердиться или хвалить. – А остальные... С ними что бы ты сделала?

– Ничего. – Я постаралась изобразить на лице улыбку. – Они и так все красивые.

Луиза смотрела на меня изучающе:

– Да говори прямо, не бойся. Не надо меня жалеть. Что бы ты с ними сделала?

– Ободрала бы и все начала сначала, – ответила я, сама не зная, откуда у меня взялось столько нахальства.

– Почему? – продолжала приставать Луиза, вгоняя меня в краску. – Некрасивые, что ли?

Меня снова охватило то же чувство, как и тогда, в кабинете аббатисы, когда я не знала, что ответить, поскольку ответить было очень непросто.

– Да нет, не в этом дело. Почему некрасивые? Но понимаете... неудобные. Легко ли ходить по улицам с корзиной фруктов на голове?

– С корзиной фруктов! – Из груди Луизы вырвался нервный смешок. – О господи! Давай говорить спокойно и не спеша. Все эти шляпки – новейшего фасона. Кроме того, сейчас лето. Шляпка должна защищать лицо от солнца, а еще говорить окружающим, что перед ними дама, а не торговка рыбой.

Конечно, даму нужно обязательно видеть за милую, хотелось мне ответить. Но я не стала.

– А если попробовать что-нибудь другое? Булавку, например, или две?

– Булавку? – переспросила Луиза.

– Ну да. Шляпную булавку. С каким-нибудь простеньким камнем, чтобы не закрывать форму шляпки, а, наоборот, подчеркнуть ее. Шляпка же все-таки, а не букет цветов. И должна выглядеть как шляпка. Разве не так?

Луиза повернулась и еще раз оглядела свои произведения. Что и говорить, в шляпках, как и в оде, она себя не ограничивала. И при этом в душе оставалась простой овернской крестьянкой. И вдруг, к моему изумлению и к ее чести, кстати, она выдвинула ящик шкафчика, потом вытащила его совсем и поставила передо мной на стол:

– Такие подойдут?

В ящике было полно шляпных булавок самых разнообразных размеров и форм, некоторые уж очень декоративные, такую вряд ли заметишь на пышно украшенном капоре, другие поскромнее. Я выбрала костяную булавку с искусственным голубым сапфиром:

– Можно?

Луиза сделала шаг в сторону. Я поискала среди шляпок наименее пышную, выбрала соломенное канотье с голубой лентой и воткнула булавку в ленту, затем порылась в украшениях, валяющихся на столе. Нашла что хотела – белый цветок из материи, напомнивший мне камелии Обазина, – взяла иголку с ниткой и слегка закрепила его сбоку; получилось словно случайно упавший на шляпку бутончик.

– Вот так. Видите?

Адриенна не стала ждать приговора сестры. Тут же выхватила, примерила и, подболевшись, кокетливо наклонила голову:

– Ну как мне? Идет?

Испуганное оцепенение на лице Луизы сразу прошло.

– А что, пожалуй... Пожалуй, очень даже. Она стала такая... в общем, совсем другая. – Она повернулась ко мне. – Где ты этому научилась?

Я пожала плечами. Откуда я знаю? И, сама от себя не ожидая, повторила когда-то сказанные мне слова аббатисы:

– Порой надо стремиться к самому простому.

Я не хотела повторить фразу слово в слово, ведь в устах аббатисы она прозвучала не как ободрение, а скорее как предостережение. И все же, глядя на шляпку, украшающую голову Адриенны, я вдруг поняла: как и простынями, носовыми платками и прочими вещами, которые мне приходилось шить в Обазине, я могу гордиться и этой шляпкой. Она, конечно, не в моем вкусе, но надеть ее я вполне могла бы. Носить ее было не стыдно.

– Я оставлю ее у себя, – сказала Адриенна. – Буду щеголять, когда поедем в Виши.

Луиза принялась говорить, мол, шляпка уже куплена, и нельзя разгуливать по Виши с чужой собственностью на голове: заказчица обидится, будет скандал, но я уже смотрела не на них, а на Джулию – она сидела на табуретке и щипала глазированное пирожное.

Улыбка ее была недвусмысленной.

– Ну, что я тебе говорила? – громко сказала она, так громко, словно бросала свой вопрос в лицо равнодушного мира.

И впервые после того, как мы покинули Обазин, в душе у меня затеплилась надежда. Что ж, может, и правда у меня есть какой-то талант.

7

По сравнению с Обазином Мулен оказался не столь ужасным местом. Городишко гордился несколькими тавернами, кафе и магазинами, а неподалеку от города находился гарнизон офицеров-резервистов, которых я видела марширующими по главной улице Мулена; впереди колонны шли барабанщики и горнисты – крепкие молодые люди с эполетами, в украшенных шнурами куртках и до блеска начищенных сапогах.

Имелась также классическая мужская гимназия, прямо напротив монастыря, через дорогу. Каждый день после полудня, когда звонили колокола, из нее выбегали мальчики с ранцами за плечами, все одинаково одетые: черная гимнастерка, подпоясанная ремнем, с крохотным белым воротничком, короткие брючки, открывающие шишковатые коленки, и гольфы, тесно обтягивающие худые лодыжки, ну прямо как у меня, и высокие ботиночки со шнурками. Я часто смотрела на них из окна dormitorio, очарованная их молодостью и красотой, мне ужасно нравилось наблюдать, как они важничают друг перед другом, толкаются, дергают друг друга за цветные шнуры, сбивают друг у друга шляпы с взъерошенной головы, с гиканьем и криком носятся по улице, словно банда маленьких разбойников.

Но, увы, наблюдать это можно было только через окно. Девочкам не разрешалось никуда ходить без сопровождения взрослых. Стены монастыря мы покидали, лишь когда отправлялись в расположенную неподалеку церковь, чтобы принять участие в службе, петь в церковном хоре, а еще во время общегородских праздников, но по улице передвигались только группами, обязательно в сопровождении нескольких монахинь.

Петь я очень любила. Мне нравилось слушать собственный голос, который поднимается все выше и выше; я казалась себе птичкой, летящей над городом. Как на ладони я видела Мулен и дремлющие в тишине деревни, которые раскинулись по берегам многочисленных рек, выходящих в зелени лесов и полей и впадающих в Сену, которая острым лезвием рассекает пленительный и великолепный город Париж.

Эх, сбежать бы отсюда в Париж! Эта мысль буквально преследовала меня, не давала покоя. Библиотека монастыря Святого Августина по разнообразию книг мало отличалась от обазинской, а от религиозных обрядов я уже порядком устала. С помощью Адриенны, потакавшей моим прихотям, я обнаружила, что в монастыре процветает черный рынок. Окажется, среди девочек из богатых семей постоянно идет тайный, но интенсивный обмен сигаретами, ленточками, мылом с запахом гардении и так далее и они готовы достать для нас все, что нужно, если мы будем оказывать им кое-какие услуги. Я чинила и гладила их форменную одежду, таскала из колодца воду, грела на кухне и носила наверх, наполняя их медные тазики. А за это они покупали для меня единственное, чего мне здесь так не хватало. Новое чтиво.

Не книжки, конечно. Книжки были очень дорогие, да и спрятать их в dormitorio было невозможно. Монахини периодически прочесывали его в поисках запрещенных вещей. Я получала вырезки из парижских газет, где печатали бесконечные романы с продолжением. По просьбе девочек из богатых семей мамы совали их в еженедельные посылки со всякой всячиной, а я потом сшивала их в самодельные брошюры, достаточно плоские, чтобы незаметно хранить под матрасом, и по ночам, укрывшись с головой одеялом, читала. Чаще всего это были наполненные всякими ужасами и чувствительными сценами истории про благородных куртизанок, погибавших от безответной любви или козней злых королей, которые расправлялись со своими врагами с помощью ядов.

Королевы мне нравились больше. Куртизанки, казалось, наслаждаются своими страданиями, страдают ради самого страдания, в то время как королевы просто делали то, что нужно делать в сложившейся ситуации. Но как бы ни были банальны эти истории, даже

самые примитивные таили в себе некое зерно истины, высвечивающее тайны и загадки этого мира. Чем больше я читала, тем больше мне хотелось поскорее начать самостоятельную жизнь. Будь моя воля, я бы босиком отправилась в Париж, где, казалось, перед человеком, даже таким ничтожным, как я, открываются безграничные возможности.

В 1903 году нам с Адриенной исполнилось двадцать лет, и нас наконец выпустили из монастыря. Джулия, пробывшая в монастыре на два года больше, чем должна была, объявила, что решила жить с нашими дедушкой и бабушкой и помогать им торговать в палатке на рынке.

Я испугалась. Мне было известно, что она часто ходит к ним в гости. В последние несколько месяцев она вообще перестала навещать со мной Луизу. Скорее всего, Джулия отправлялась в городок, где жили дедушка с бабушкой. Даже меня звала с собой, но я всегда отказывалась. А тетя Луиза, хотя я ни о чем ее не спрашивала, сообщила, что Джулия навела справки о наших братьях Альфонсе и Люсьене и узнала, что, после того как нас отправили в монастырь, их отдали в семьи каких-то крестьян и все детство они работали на полях. Где они сейчас, неизвестно. Во мне с новой силой разгорелась злость на всех, кто от нас отказался. Тетя Луиза, конечно, внесла в ситуацию свои поправки и несколько сгладила мое недоброе отношение к людям, но для меня она была единственным человеком, которого я понимала и могла простить. А вот Джулия меня восхищала: характер ее оказался гораздо крепче, чем она считала сама, если так беспокоилась за тех, с кем мы давно расстались. Лично мне не о чем было говорить с дедушкой и бабушкой. Они уже были старенькие, со своими привычками, и я считала, что лучше держаться от них подальше.

– Не понимаю, почему ты хочешь жить с ними? – спрашивала я сестру. – Там для тебя нет никакого будущего. Так и состаришься за прилавком, на всю жизнь останешься торговкой овощами.

– А куда еще я пойду? – вздыхала она. – Шить я не умею, это вы с Адриенной шитьем можете зарабатывать на жизнь. А я буду тебе только обузой. А кроме того, сами они уже не справляются. Вот подрастет Антуанетта, выйдет из монастыря и тоже будет жить с нами. Ей ведь не помешает своя крыша над головой, работа. А Луиза говорит, что будет часто приходить в гости. Да и тебе не надо будет обо мне беспокоиться.

– Но ведь вы с Антуанеттой можете жить со мной! – неожиданно для себя самой рассердилась я. – Джулия, ты все время твердишь, что ни на что не годна, что ничего не умеешь делать... Откуда ты знаешь, ты же ни разу не попробовала? Главное, тебе надо остаться со мной, а там что-нибудь придумаем. Они же никогда нас не любили, им было на нас наплевать. Даже ни разу не попытались с нами встретиться!

Джулия печально улыбнулась:

– Габриэль, ты говоришь это только потому, что считаешь себя обязанной, но ты же сама понимаешь: со временем я стану для тебя обузой. Меня вполне устраивает торговля овощами, вдобавок я буду заботиться о двух стариках. Я на них не в обиде, они ни в чем не виноваты. Что им оставалось делать? Мы были еще дети, а это значит, лишние рты. А теперь я взрослая, могу приносить пользу, поэтому, прошу тебя, не будем спорить, не будем ссориться. Давай расстанемся как сестры, мы же любим друг друга. – Джулия притянула меня к себе, крепко обняла и поцеловала в щеку. – Не теряй храбрости, – прошептала она. – Ты у нас сильная. Всегда такой была.

Я едва сдерживала слезы, глядя, как она садится в экипаж, который должен был отвезти ее к родителям нашего отца. Хотелось силой оставить ее с нами, но я понимала: это бесполезно. Джулия, конечно, не обладала моей смелостью, но упрямства – семейной черты всех, кто носит фамилию Шанель, – у нее хватало: уж если что решила, не отступится. Экипаж тронулся, и я снова ощутила себя покинутой, как и тогда, в Обазине. Но, положив руку на

сердце, как ни презирала я себя за это, не могла избавиться от постыдного чувства облегчения.

Джулия понимала меня лучше, чем я сама. Она знала, что, став мне обузой, она нанесет непоправимый удар нашей с ней взаимной любви, а этой мысли перенести она не могла.

Что касается нас с Адриенной, монахини посоветовались с Луизой, и та подыскала нам местечко в Мулене, в заведении с пышным названием Дом Грампейр, хотя по сути это была лишь скромная мастерская по ремонту женского платья, белья и чулочных изделий, обслуживающая местных дам и солдат гарнизона. Владелица мастерской, мадам Г., как сразу же окрестили ее мы с Адриенной, занималась починкой обычного ассортимента предметов женской одежды, а также приведением в порядок изорванных и испачканных *passementerie*³ офицерской формы. Помимо работы, она, по ее выражению, «почти даром» предоставила нам тесную комнатку на чердаке, совсем рядом с мастерской.

Все было бы прекрасно, если бы не каторжная работа за мизерную плату. Работали мы с семи утра и почти до восьми вечера, отлучаться с рабочего места было нельзя, кроме короткого перерыва на обед в душной задней комнате. Мы буквально изнемогали над горами расплзающихся по швам платьев с рваным подолом, плащей с оторванными пуговицами и неоднократно менявшимися подкладками и множеством иной изношенной одежды. Постоянно болела спина. По вечерам, после работы, мы забирались к себе в комнатку, садились возле крохотной печки, которую страшно боялись топить, опасаясь, как бы не спалить весь дом. Прошло три месяца, и я объявила Адриенне (о, это была уже не прежняя хохотушка Адриенна, а тень ее), что надо срочно искать другие средства существования. Так больше жить нельзя: почти весь недельный заработок возвращался мадам Г. в виде платы за жилье, питались мы овощами, ветчиной, хлебом и сыром, которыми нас снабжала Луиза каждое воскресенье, наш единственный выходной, который мы проводили у нее в доме.

– Другие средства? – удивилась Адриенна. – Но ведь это место для нас нашла Луиза. Разве можно вот так взять и бросить его?

– Я не говорю, что бросить, – ответила я, хотя, потирая распухшие костяшки пальцев, я как раз думала о том, что бросить это проклятое место было бы для нас великое благо. – Просто надо поискать дополнительный заработок. Например, прикупить каких-нибудь простеньких шляпок, довести их до ума и снова продать. Мне кажется, если у меня получится, можно показать мадам Г. и предложить ей процент с прибыли, чтобы она позволила этим заниматься.

Ничего другого мне в голову пока не приходило. Тетя Луиза продолжала украшать и отделывать свои шляпки так, словно это вазы с фруктами для банкетного стола, однако шляпку, которую переделала я, она доставила клиентке в моем варианте. И сообщила мне, что та, забирая свой заказ из магазина в Виши, назвала ее очаровательной и заказала еще две, другого цвета, но чтобы они были изготовлены с нуля. Луиза стала учить меня, как, послунив палец, проверить, не перегрелся ли утюг, чтобы, не дай бог, не подпалить тесьму, как зажимать между пальцами ткань, чтобы делать складку, как пользоваться доской, чтобы придавать отделке форму, как делать нужные складки и прочим приемам и хитростям профессии, призванной некрасивое, ничем не примечательное превратить в прекрасную вещь, которой можно любоваться и восхищаться... ну и заплатить за нее свою цену, конечно.

Монашки постоянно твердили нам, что приличная девушка не должна стремиться к большим деньгам, но ведь без них никуда, а у меня денег вообще не было. Если я собираюсь отправиться в Париж, деньги нужны позарез, и чем больше, тем лучше.

– Ох, вряд ли у меня будут силы делать что-то еще, – стонала Адриенна.

---

³ Отделка галуном и позументами (*фр.*).

Да, нелегко ей далась обретенная свобода и независимость: она сильно похудела. Часто жаловалась, что, может быть, все-таки стоит смириться и переехать к Луизе. Я вынуждена была напомнить ей, что если в Мулене надежда встретить красавца-рыцаря маловероятна, то в Варенн-сюр-Алье ей вообще придется рассчитывать только на какого-нибудь козопаса с гнилыми зубами.

– А что, если толкнуться в «Ротонду», попытаться прослушаться, что скажешь? – предложила я.

Мы с ней уже несколько раз побывали в этом кафешантане, построенном в виде пагоды недалеко от площади, в сопровождении молодых офицеров, которым вздумалось поухаживать за нами, когда они сдавали свои изорванные шинели или штаны для починки. Заведение это вряд ли можно было назвать модным или высокого класса, его посещала разношерстная публика ради сомнительного удовольствия хриплыми голосами подтягивать певцам, развлекающим публику, чтобы посетители покупали больше выпивки. Впрочем, в нашем случае пели только мужчины, мы же просто сидели рядом, крепко надвинув на брови шляпки, наглухо, до самой шеи, застегнув блузки, скромные и недоступные. Конечно, богатых родственников у нас не было, но и нельзя было спутать нас с наглыми профессионалками, которые охотились там за клиентами, даром что платили им куда больше, чем нам, и работали они, когда хотели, по свободному графику.

– Ты что, хочешь подавать там напитки? – с ужасом в голосе спросила Адриенна.

– Да нет же, глупенькая. Прослушаться, чтобы петь. Мы же пели в хоре Святого Августина и репертуар «Ротонды» знаем почти наизусть.

Я встала, стукнулась головой о свес крыши (по этой чердачной комнате нам приходилось передвигаться согнувшись в три погибели), скривилась от боли и приняла позу. Одну руку уперла в довольно костлявое бедро, другую положила на грудь, правда не там, где она вздымалась, прочистила горло и, раскрыв рот, запела: «*Qui qu'a vu Coco dan l'Trocadero?*»

– Я потеряла своего бедного Коко, – пела я, – в окрестностях Трокадеро. Он сейчас далеко, если еще живой. Еще больше мне жаль любимого, он изменил мне, а вот мой Коко всегда был мне верен. Вы, случайно, не видели моего Коко? Бедный Коко, где-то рядом с Трокадеро?

Тут я сделала знак Адриенне, и она подхватила припев:

– Ко возле Тро... Ко возле Тро... Коко возле Трокадеро. Кто видел Коко? Мой бедный Коко! Кто видел бедняжку Коко?

Закончив петь, я изящно сделала ручкой вверх:

– Ну как? Неплохо?

– Ужасно, – ответила она. – Нас забросают гнилыми помидорами.

Мы от души расхохотались, и напряжение, которое порой возникало между нами, сразу пропало.

– Неужели так ужасно, неужели не заплатят ни гроша? – наконец проговорила я, задыхаясь от смеха.

Я ждала, глядя, как сменяют друг друга противоречивые чувства на ее выразительном лице, – в этом мы с ней тоже были совсем разные. В отличие от меня, Адриенна не умела скрывать своих чувств.

– Да нет, шучу. Заплатят, куда денутся. Я слышала и похуже. Думаю, и здешняя публика тоже.

– Ну, тогда решено. Завтра после работы пойдем и попробуем. Несколько вечеров в неделю, пока не накопим на шляпки.

– А если узнает Луиза... или монашки? Они же будут в ярости, – предостерегающе сказала Адриенна. – Порядочной девушке в «Ротонде» делать нечего. Ну разве с кем-нибудь аперитива глотнуть. Но только не работать.

– Да как они узнают? Мы же им ничего не скажем.

Спать в тот вечер я отправилась, окрыленная радужными надеждами. У меня все получится, говорила я себе. Судьба крестьянки не для меня. Удача не торопится осчастливить меня, и, как ни пытайся, тяжелой работой ее не приманить. Кто узнает, на что я способна, если гну спину от зари до зари в захудалой мастерской?

Но когда мы начали приводить мой план в исполнение, дело оказалось не таким уж простым. Хозяин «Ротонды» взял нас, видимо, за свежие и миленькие мордашки. Сразу было видно: девушки только что покинули монастырь. В вечер нашего дебюта я так волновалась, что на сцене стояла как столб, слова песенки пела заикаясь, посетители шикали, свистели и бросались в меня гнилыми оливками и вишнями, а Адриенна ходила между столиками и дрожащими руками протягивала почти пустой кошелек.

Увидев улов, я присвистнула и скорчила гримасу:

– Меньше трех франков. Не хватит даже на билет в Виши, не то что на шляпку.

Каждый вечер я репетировала, оглашая воплями чердак, а Адриенна прятала голову под подушку, и вот наконец мне показалось, что я вполне обрела и нужное нахальство, и определенную пикантность интонации, и свободу в движениях и жестах, без которых никуда. Следующее выступление прошло лучше, потом еще лучше. Через несколько недель хозяин посчитал, что нас можно выпускать по пятницам, когда был наплыв офицеров, покидающих казармы на выходные.

В пятницу я уже владела собой вполне, и если голос на каждой высокой ноте дрожал, то в конце исполнения раздались невероятные, оглушительные рукоплескания, удары ладонями и кулаками по столикам и восторженные крики.

– Коко! Коко! Коко! – несло из зала.

Господи благослови, они хотят, чтобы я спела еще.

Свои сбережения я хранила в жестяной банке, спрятанной под досками пола. Когда мне показалось, что накопилось достаточно, я заявила недовольно брюзжащей мадам Г., что нам с Адриенной нужно несколько дней отгулов, потому что якобы заболела Луиза. Мы быстро собрались и почтовым экипажем отправились в Варенн; на поезд денег у нас не было.

Наконец-то я куплю шляпки.

8

Виши – первый настоящий город, который я увидела в жизни, город-курорт с широкими бульварами, большими гостиницами, казино. Сюда съезжались, как объяснила мне тетя Луиза, богачи ради знаменитых целебных минеральных вод. После завтрака в дешевой auberge,⁴ где спать пришлось втроем на одной кровати, мы с Адриенной и Луизой отправились по магазинам, куда она разносила заказанные ей готовые изделия, а потом весь оставшийся день выбирали необходимые для работы побрякушки и шляпки для меня. Я смогла купить только три штуки, но была так счастлива, будто приобрела целую дюжину. Когда на Виши опустились летние сумерки, Луиза разрешила нам вдвоем погулять немножко, уже без нее: ей нужно было дать отдых больным ногам. Но она строго-настрого запретила нам заговаривать с незнакомцами, особенно с мужчинами, а также совать нос в кабаре или пивные, привлекавшие не столь уважаемых обитателей города.

Я еще никогда не видела на улицах так много народу, не слышала столько шума; казалось, все говорят одновременно и никто никого не слушает. Покровительственно взяв меня под руку, Адриенна повела меня, словно какая-нибудь герцогиня, показывающая свой дворец, ведь она уже не раз бывала здесь раньше.

– Ну разве это не изумительно? – с придыханием повторяла она, вышагивая в зеленом жакете с рукавами-буфами, который красиво облегал ее стройную фигурку, и в строгой юбке со сбегаящими сбоку пуговицами из китового уса (настоящий шедевр, созданный Луизой из обрезков и остатков ткани). – Смотри, как все здесь благородно!

Действительно, только в Виши я в полной мере поняла, насколько мы были изолированы от мира в монастыре. Поездка явилась для меня настоящим праздником, особенно эта прогулка. Мне казалось, что мы шагаем слишком быстро и я не успеваю как следует все рассмотреть.

– Здесь все такое яркое, – отозвалась я, – даже в глазах пестрит.

Когда я это произносила, мы как раз поравнялись с группой молодых офицеров с дымящимися сигаретами в руках; они не спеша выходили из кафе. Кто-то из них, заметив нас, даже присвистнул, заставив меня бросить на нахалов уничтожающий взгляд. Вот грубияны! Я уже успела наглядеться на таких в «Ротонде».

– Ты это уже не раз говорила, – сказала Адриенна. – Но признайся, здесь очень интересно, просто дух захватывает. Меня не обманешь, можешь не стараться, я ведь все вижу на твоем лице. Ты смотришь на все тут такими глазами... как вон тот элегантный мужчина сзади, он глаз от тебя оторвать не может.

Я замедлила шаг и осторожно оглянулась. Офицеры в шутку прижали ладони к груди и сделали вид, будто падают в обморок, крича на всю улицу, что их бедные сердца пронзили острые стрелы, выпущенные парочкой жестоких Диан. Но там действительно был один весьма элегантный мужчина, в широком пальто из коричневого бархата, штанах кремового цвета с безупречно отутюженными стрелками, а из жилетного, с вышитым узором кармана свисала золотая цепочка для часов. В руке он держал шляпу-котелок.

Похоже, и вправду смотрит на меня. Да еще улыбается.

Я резко отвернулась.

– Ого, – захихикала Адриенна, – да ты вся покраснела.

– Вовсе нет!

– А вот и да! Красная как помидор.

---

⁴ Гостиница (фр.).

– Не смотри на них, а то еще привяжутся! – зашипела я, но она меня не послушала и снова оглянулась.

– Кажется, ты разбила ему сердце, – сказала она, но я потащила ее вперед, ускоряя шаг и не чуя под собой ног от страха.

– Просто нахальный тип, вот и все. Думает, если две девушки гуляют одни, то они...

– Grandes cocottes, так, что ли? – продолжала дразнить меня Адриенна. – Я же тебе говорила, перед твоей красотой никто не устоит. Тебе мало, что ты завоевала сердца публики в «Ротонде», не важно, хорошо ты пела или нет, здесь вот тоже все только на тебя и смотрят, несмотря на твой траурный наряд.

– Просто мне нравится черное, – отрезала я.

Подражая школьникам из Мулена, я подпоясала свою длинную блузку кушаком, подобрала в тон к ней юбку до щиколоток и свободный жакет. На голову я надела морскую шляпку с черной лентой и квадратной тульей. Из ящика Луизы я стащила перламутровую брошку, но прикрепила ее не к шляпке, а к лацкану. Я думала, что выгляжу вполне элегантно, пока, гуляя по бульвару, мы не встретились с местными дамами в пышных юбках и подходящими к ним жакетах из красивой, словно мерцающей, ткани; головы их с зачесанными вверх волосами были увенчаны легкими, словно из пузырьков пены, шляпками. И я сразу почувствовала себя гадким утенком. И не потому, что мне хотелось быть похожей на них – в таких костюмах невозможно свободно двигаться, – а потому, что мне показалось, денди, который шел позади, насмешливо улыбается, глядя на мои убогие попытки выглядеть нарядно.

– А он все идет, не отстает, – сказала Адриенна, от волнения переходя на шепот.

Я тут же потащила ее в ближайшее заведение, еще одно насквозь прокуренное кафе.

– Закажи что-нибудь, – попросила я, усадив ее за столик в углу, и она тут же принялась рыться в своей сумочке.

Мы ведь не рассчитывали больше ничего покупать. Но только когда она с отчаянием на лице повернулась ко мне, до меня дошло, что денег у нее нет, а свои я все потратила на шляпки. И вдруг глаза ее расширились.

Мне не понадобилось поднимать голову, чтобы догадаться: денди зашел в кафе вслед за нами.

– Могу ли я чем-нибудь вам помочь, милые барышни? – спросил он вежливо, хотя и слегка иронически, тоном человека, который никогда не заходит в кафе без денег.

– Думаю, нет, если, конечно, вы не хотите заказать нам два кофе и пирожных, – отрезала я.

Резким ответом мне хотелось заставить его отказаться от своего опрометчивого предложения: с какой стати ему тратить на нас свое время и деньги, когда наверняка он может найти других, более сговорчивых женщин.

Но он улыбнулся, обнажая под ухоженными усами превосходные зубы:

– С огромным удовольствием.

И пошел к стойке. Адриенна встревоженно подняла брови. Я только пожала плечами. Пусть этот нахал купит нам лакомство, что тут такого? Ничего неприличного мы себе не позволяем. Но я видела, что она вся дрожит от страха за последствия, к которым может привести мое необдуманное приглашение. Разве тетя Луиза не запрещала нам... Боже, не то что распивать кофе с незнакомцами, но даже заговаривать с ними?

– Может, сядем сюда? – Он уже вернулся и указал на свободный столик с мраморной столешницей.

Он даже выдвинул для каждой из нас стул и предупредительно ждал, пока мы с Адриенной не усядемся.

На меня это произвело огромное впечатление, хотя я изо всех сил старалась это скрыть.

Пока официант расставлял перед нами чашки, я уловила момент, чтобы разглядеть его получше. И сразу заметила, что он очень богат: у него были небольшие, с ухоженными ногтями руки, а пальто его наверняка стоило больше, чем мы с Адриенной могли заработать за год. Он не был красавцем: вытянутое лицо, круглые щеки, длинный нос и тонкие губы, однако в близко посаженных карих глазах светился ум. От него исходил отчетливый запах одеколона, который я терпеть не могла. Подобного рода мужчин я видела в «Ротонде» и раньше, хотя и не очень часто, как правило состоятельных, которые вышли проветриться, поискать запретных развлечений.

Но если он думает, что кофе с пирожными даст ему на нас какие-то права, то сильно ошибается.

– Позвольте представиться, – сказал он, когда Адриенна отпила из своей чашки, а я из принципа к своей не притронулась. – Меня зовут Этьен Бальсан, и я полагаю, мы с вами...

– Бальсан! – Адриенна чуть не поперхнулась.

Он улыбнулся:

– Должно быть, мадемуазель, вы уже слышали мое имя?

– Нет, я... то есть да, конечно, слышала, но я...

Я так и вытаращилась на нее через столик. Что это с ней? Такой вид, будто перед ней сам маркиз Ришелье.

Бальсан кивнул и поправил наманикюренными пальцами светло-каштановые волосы, на макушке уже слегка редющие, как я успела заметить, и повернулся ко мне:

– Я как раз собирался сказать, что мы с вами уже встречались.

– Вряд ли, – ответила я. Адриенна толкнула меня ногой под столом. Я выдавила из себя скупую улыбку. – То есть я хочу сказать, если бы встречались, то я бы обязательно вас запомнила.

– Да? – Он откинулся назад, аккуратно держа перед собой чашку и согнув мизинец. – Неужели?

– Габриэль, – вставила Адриенна, – этот джентльмен...

– Да, – прервала ее я, не отрывая от него взгляда. – Запомнила бы. Я ни разу в жизни не видела вас, прошу прощения, месье.

– Прощения? У меня? – Он усмехнулся. – Ну нет, это я должен просить у вас прощения, мадемуазель. Как вам сказать... Боюсь, я спутал вас с прелестной певичкой по имени Коко, которая приводила в восторг публику в «Ротонде» в Мулене. Жаль, конечно, я надеялся, что вы – это она, и хотел бы поздравить ее и поблагодарить, поскольку считаю, что ее исполнение песенки «*Qui qu'a vu Coco dans l'Trocadéro*» – самое прелестное из всех, что мне доводилось слышать. – Он отпил из своей чашки. – Вы обязательно должны когда-нибудь это послушать. У нее выдающийся талант.

Я смутилась и почувствовала, что краснею. Я сделала небольшой глоток черного кофе и обожгла язык. Этьен Бальсан снова улыбнулся, взял тарелку с миндальными пирожными и протянул ее Адриенне. Он что, нарочно дразнит меня? Трудно сказать, но что бы он ни имел в виду, мне все равно, и я уже собиралась высказать ему это в лицо, но не успела, меня опередила Адриенна:

– Ни с кем вы ее не спутали, месье Бальсан. Она и есть Коко из «Ротонды».

– Правда?! – Он сделал вид, что не на шутку потрясен. – Возможно ли это?

– Ну скажи ему, Габриэль, скажи ему правду! – с такой наигранной веселостью простибала Адриенна, что мне даже захотелось убить ее на месте. – Не будь такой бессердечной. Месье слышал, как ты поешь, хочет похвалить тебя...

– Мало того что слышал, еще и денег дал, – прибавил он. – Я никогда не скуплюсь на чаевые.

Я поставила чашку на блюдечко. Не хотелось его обижать, ведь было ясно, что человек он действительно не бедный, но я понимала: если он видел меня на сцене, значит считает девушкой свободного нрава.

– Я стараюсь хорошо петь и ради чаевых тоже, – сказала я, – как вы сами только что объявили. Или вы хотели бы, чтобы я дарила свой выдающийся талант бесплатно, месье?

Адриенна смотрела на меня, раскрыв рот.

– Прекрасный ответ, мадемуазель. – К моему удивлению, он произнес это мягким, спокойным голосом. – Простите меня, я не хотел вас обидеть.

– Я не обиделась, – ответила я, потом взяла с тарелки три оставшихся пирожных, завернула их в носовой платок и встала. – Приятно было познакомиться, месье, но, боюсь, нам надо идти. Мы благодарим вас за щедрость и желаем вам хорошо провести вечер.

Он тоже сразу же встал и поклонился:

– Что вы, это мне было очень приятно, мадемуазель.

– Надеюсь, – сказала я и улыбнулась Адриенне. – Ну что, пошли?

Она кое-как поднялась со стула; на ее верхней губе остался бледный след кофе.

– Извините нас, месье, – дрожащим голосом произнесла она. – Мы действительно уже опаздываем, и мы...

Я, не оглядываясь, решительно направилась к выходу, правда, у самой двери пришлось немного задержаться, пока за спиной не послышался быстрый цокот каблучков – это спешила за мной Адриенна. Оказавшись на улице, я, не останавливаясь, зашагала по бульвару к нашей гостинице. Наконец Адриенна догнала меня, схватила за руку и заставила остановиться:

– Габриэль, ты что, с ума сошла? Ты хоть понимаешь, кто это был?

– Понимаю. Этьен Бальсан, который много на себя берет, выдавая себя за джентльмена.

Она еще крепче сжала мне руку:

– Этьен Бальсан с братьями – наследники одного из самых больших состояний Франции. Его семья владеет в Лионе фабриками по производству шерстяных тканей для пошива военной формы. Да что там, они фактически хозяева города Шатору, у них знаешь сколько великолепных дворцов? И не сосчитать! И ни за кого он себя не выдает, понятно? Он настоящий джентльмен! Он очень, очень богатый!

– Подумаешь, богатый. Это вовсе не значит, что он умеет себя вести. Сама слышала, что он сказал. Мол, не скупится на чаевые. А я не такая, кроме песен, ничего не продаю.

Адриенна ослабила хватку, взяла мой сжатый кулак, разогнула пальцы и положила в ладонь визитную карточку кремового цвета с тисненными буквами.

– Вот тебе его карточка, – сказала она. – Наверное, он совсем обезумел, хочет встретиться с тобой еще раз. Сказал, что ты, как он и ожидал, существо совершенно необузданное и что на следующей неделе он посетит нас в Мулене. – (Я смотрела на нее и молчала.) – Надеюсь, когда он придет, ты уже не будешь ему грубить. Такие люди не часто попадают в жизни. Еще неизвестно, к чему может привести такое знакомство.

«Я прекрасно понимаю, к чему этот Бальсан хочет привести наше знакомство», – чуть не сказала я, но придержала язык. Адриенна все еще лелеяла надежду встретить своего рыцаря и выйти за него замуж, но я сомневалась, что кто-нибудь (разве что сын мясника) увидит в нас нечто большее, чем просто забаву.

Это было летом 1904 года.

Карточку его я, конечно, спрятала в карман и сразу про него забыла, но оказалось так, что этот человек стал моим спасителем.

9

Этьен Бальсан все-таки появился у нас в мастерской, и мадам Г. взволнованно трепетала, когда он отдавал ей для починки несколько рубашек. Впрочем, я не нашла в них ни единой дырочки, и на меня это никак не подействовало. Тем не менее он настойчиво продолжал заходить ко мне после работы, предлагая покататься в экипаже, прогуляться по площади или поужинать. Частенько приводил своих богатых друзей, сыновей влиятельных родителей, которые, как и он, были связаны с военным ведомством, хотя, в отличие от него, все страстно желали, чтобы поскорей разразилась война с Пруссией или Германией.

Бальсан лишь ухмылялся, когда они топали сапогами, заявляя, что истинный джентльмен может доказать свою храбрость только на войне.

– Пока немцы не нападут, они так и не узнают, в чем разница между пушкой и обыкновенной трубой, – говорил он, наклоняясь ко мне. – Вот таких дураков порождает деньги.

Несмотря на все свои опасения, я находила его сдержанное остроумие довольно забавным. Но сам он меня не очень привлекал, хотя и не подавлял своим высоким положением. Следующие несколько месяцев промелькнули в круговороте веселых обедов с вином; с нами была и Адриенна. Я питалась лучше, чем когда бы то ни было, и по городу нас всегда сопровождали знатные холостяки из офицерских казарм, чаще всего барон Морис де Нексон, совершенно очарованный Адриенной, которая отвечала ему взаимностью, поскольку он по всем статьям соответствовал ее представлениям о настоящем рыцаре. Но у нее были и другие поклонники, которые ходили за ней по пятам. Неожиданная популярность страшно взволновала Адриенну. И она не давала мне уснуть, до рассвета обсуждая со мной, кого из них осчастливить своей благосклонностью.

Свою долю мужского внимания получала и я. Мои сомнения насчет собственной внешности серьезно поубавились. Друзья Бальсана осыпали меня столь горячими комплиментами, что у меня даже возникло искушение поверить им. Тем не менее верила я не очень, поскольку уже успела выработать в себе серьезное недоверие к лести. С беззаботным смехом я отмахивалась от комплиментов, которые расточали мне отпрыски благородных семейств. Днем я тяжело трудилась в Доме Грампейр, а несколько вечеров в неделю пела в «Ротонде», а потому не желала, чтобы на меня смотрели как на нищую швею, готовую пожертвовать своей добродетелью и лечь в постель с каким-нибудь богачом. Каждый лишний заработанный мной сантим я складывала в жестянку, спрятанную под половой доской. И продолжала отделывать шляпки, хотя мадам Г. отказывалась продавать в своем магазине «этот ужас» и мне приходилось самой носить свои творения, тщетно надеясь привлечь внимание какой-нибудь модистки.

Бальсан регулярно посещал мои вечерние выступления. Стоило только взглянуть в зал сквозь густые клубы табачного дыма, поднимающиеся над столиками, как я видела его на своем обычном месте, неподалеку от сцены. Он сидел, положив ногу на ногу в дорогих итальянских ботинках, одетый в плотно облегающую военную форму синего цвета с эполетами, а порой и в строгом штатском костюме, но неизменно с улыбкой на губах.

После выступления он обычно приглашал меня куда-нибудь на поздний ужин. И во время этих вечеров я постепенно узнавала о нем все больше. Он рассказал, как его послали учиться в привилегированное закрытое учебное заведение в Англии, где он обнаружил страсть к породистым лошадям и продемонстрировал полное пренебрежение к учебе. «Я послал телеграмму своим близким от имени Рекса, своей собаки. Рекс уведомлял их о том, что я провалил все экзамены», – смеялся Бальсан. Все родственники ждали, что после смерти отца Бальсан займет его место в семейном бизнесе. Но он взбунтовался и не оправдал их ожиданий.

– А служить в армию я пошел из-за дядюшки, – рассказывал Бальсан, когда мы не торопясь попивали кофе. – Дядя сказал, что разведение лошадей – это хобби, а не занятие, достойное нашей фамилии, и что я должен поддерживать честь. Не представляешь, как мне противно было слушать это, – вздохнул он, прикурил сигарету и передал ее мне.

Заметив, что другие певички в «Ротонде» используют сигареты, чтобы казаться обольстительней (кроме того, искусство пускать дым кольцами приносило дополнительные чаевые), я тоже стала тренироваться: терпеливо вдыхала дым в легкие, кашляла, пока не овладела этим пороком вполне. Адриенна искренне презирала эту привычку, называла ее отвратительной, но благодаря ей я стала зарабатывать больше. Почему-то мужчинам нравилось смотреть, как у женщины из ноздрей струйками идет дым.

– Военную службу я терпеть не могу, – продолжал Бальсан. – Поначалу я вступил в пехотный полк, но служба там оказалась просто невыносимой. Мне хотелось быть с лошадьми, пришлось использовать связи, чтобы перевестись в кавалерию. Уж если я должен служить фамильной чести, пусть и фамилия послужит мне. Меня отправили в Алжир, в полк Африканской легкой кавалерии, где я изнывал от скуки. Там было невыносимо жарко и страшная скука.

– Вы повторяетесь. Уже дважды употребили слово «скука», – заметила я.

– Правда? – переспросил он и поднял глаза к небу. – Потому что так оно и было. Там действительно было невыносимо скучно, так скучно, что однажды на посту от нечего делать я заснул, и меня посадили на гауптвахту. Но потом лошади вдруг подхватили какую-то кожную болезнь, и наши ветеринары никак не могли с ней справиться. Тогда я пошел к командиру и предложил заключить договор. Если я вылечу их, он добьется моего перевода во Францию. Я приготовил мазь, которую используют в Англии для лечения таких болезней. Я понятия не имел, поможет ли она, но она помогла, и вот я здесь, в Мулене, в Десятом полку легкой кавалерии. Впрочем, я должен добавить, служба здесь оказалась так же скучна, как и в Африке, пока я не встретил вас.

Я изобразила легкую улыбку, хотя его история мне очень понравилась. Ничего себе, думала я, отказаться от выгодного места в семейном бизнесе, чтобы не отказать себе в удовольствии быть с лошадьми, бросить вызов ожиданиям влиятельного дяди – от этой мысли моя голова шла кругом. У меня не было вообще ничего, ни имени, ни состояния, и меня пьянило и потрясало его презрительное равнодушие к таким возможностям и выгодам.

– Как только срок службы подойдет к концу, – говорил он, – я буду делать только то, что сам захочу. Мне уже двадцать шесть лет, я могу по праву пользоваться своим наследством, и дядя уже не отберет его у меня, хотя все еще грозит пальчиком. Куплю себе замок и стану разводить таких скаковых лошадей, каких в стране еще не было. Лучших в мире. И плевать, что обо мне думают. У человека только одна жизнь. И свою я собираюсь прожить по собственным правилам.

И хотя я не считала его привлекательным для себя мужчиной, но чувства мои к нему становились все глубже. Почему? Этого я и сама не могла объяснить. Возможно, потому, что я еще не встречала подобных ему людей; его уверенность в себе, доходящая порой до дерзости, его вечно бесстрастный вид – все это оставляло в моей душе свой след, делало свою неторопливую работу, пока я не стала ловить себя на том, что уже с нетерпением жду его прихода, что, если его нет рядом, мое существование кажется мне унылым и серым.

Адриенна уже не раз прощупывала меня насчет моего к нему отношения.

– Он хоть как-нибудь выразил свои намерения? – спрашивала она, когда мы с ней, совершенно обессиленные, лежали на своих кроватях: всю ночь протанцевали с Бальсаном и его друзьями. – Я же вижу, как он на тебя смотрит. Просто глаз с тебя не спускает. Похоже, ему совершенно плевать, что ты поешь в каком-то кафешантане и чинишь кому-то нижние юбки. Как думаешь, он тебя любит? Он уже пытался поцеловать тебя?

Она вся так и дрожала от возбуждения. Видно было, что ее-то уже целовали, и не раз. Но от ее нетерпеливых вопросов в моей груди лишь поднималась волна тревоги: Бальсан и за руку-то меня редко брал. Значит, были причины, хотя я и сама не очень-то позволяла ему таких вольностей. Он, должно быть, догадывался, что другие мужчины из его окружения уже пробовали, но всякий раз обжигались. Кроме того, я была молода и достаточно привлекательна, возможно, даже красива, чтобы завлечь нескольких обожателей, как это делала Адриенна. Но у меня не было такого желания. Все эти напыщенные гордецы меня не интересовали. Меня привлекал только Бальсан, но тогда почему он не возбуждал во мне ни единого чувства, о которых я слышала от Адриенны по отношению к ее барону?

Может, со мной что-то не так? Я еще никогда не хотела принадлежать ни одному мужчине, кроме своего отца. Неужели он преподавал мне такой жестокий урок, что я не могла заставить себя доверять мужчинам? Неужели мне не хочется выйти замуж и завести свою семью? Для Адриенны это цель всей ее жизни, но я... У меня подобных устремлений не было, хотя для таких девушек, как мы, это было единственно приемлемым и желанным.

— Мы с Бальсаном просто друзья, — наконец ответила я и отвернулась, чтобы пресечь дальнейшие вопросы.

Но уже скоро я поймала себя на том, что гляжу на Бальсана такими же глазами, какими и он на меня, пытаюсь уловить хоть какой-нибудь знак, что я для него значу больше, чем простая забава. А он такие знаки мне подавал: интересовался моим прошлым, и его интерес пробуждал во мне неуверенность. По словам Адриенны, если джентльмен задает подобные вопросы, это означает, что он оценивает, подходит ли эта женщина для брака.

В своих стараниях выглядеть более интересной, чем на самом деле, я плела ему нелепые истории о том, как после смерти матери мой отец отправился в Америку, чтобы нажить состояние, оставив меня с сестрами на попечение заботливых тетюшек, отдавших нас в обучение к монашкам. Я ни разу не упоминала ни Обазин, ни своих утерянных братьев, ни то, что я фактически отказалась от своих дедушки с бабушкой. Эти лживые байки с легкостью слетали с моего языка, но в душе я каждую минуту со страхом ждала, что он рассмеется мне в лицо: «Ну, Коко, какая же ты мастерица вешать лапшу на уши!» Но так и не дождалась. Он принял все мои рассказы за чистую монету, и я поняла, что утаить подробности собственного прошлого довольно легко. В конце концов, другие девушки должны понять меня, ведь я, не жалея сил, искала свою дорогу в жизни, а альтернативный вариант — прибегнуть к услугам свахи или выйти замуж за парня из знакомой семьи, где меня знают как облупленную, — меня абсолютно не устраивал.

— Хотя, конечно, — беззаботно прибавила я, — когда-нибудь и я выйду замуж, куда я денусь.

— Ну да, понимаю. — Он прижался ко мне. — Похоже, у нас с тобой аллергия на ожидание. Наверное, сама судьба свела нас с тобой, *ma petite Коко*.

В первый раз он намекнул на то, что нас ждет общее будущее, и при этой мысли меня охватило чувство, в котором смешались надежда и страх. Мои планы заработать на шляпках рухнули, я не продала ни одной. Ни одна модистка в Мулене не удостоила мои шедевры вниманием. Я все еще была рабыней мадам Г., я надрывала глотку, распевая песенки, и, хотя денежек в моей жестяной копилке медленно, но верно становилось все больше, я не знала, что делать: шляпки мои никому не были нужны. Если так пойдет дальше, как ни барахтайся, но меня ждет судьба моей матери: я обречена работать и работать, получая лишь столько, чтобы иметь крышу над головой, а этого ничтожно мало, чтобы выбраться со дна общества.

И тем не менее я стала избегать Бальсана, потому что он все не объявлял о своих намерениях. Прошло почти два года, как я работала в Мулене, и оставаться здесь дольше для меня не имело смысла. Нам с Адриенной надо было затеять что-то новое, и вот, после долгих упрасиваний, я уговорила ее поехать со мной в Виши, снять там комнату и поискать

работу в более изысканных кафе города. Опыт у нас уже есть, убеждала ее я, а это много значит. Она долго не соглашалась, пока Бальсан не пообещал, что обеспечит нас средствами для устройства на новом месте. Более того, Адриенна настолько вскружила своему барону голову, что он объявил, что поедет за ней хоть на край света, а уж в Виши, который был совсем неподалеку, сам Бог велел.

– Но не будет ли это выглядеть, будто... – волновалась она, когда я швыряла наши скудные пожитки в чемоданы, с чувством глубокого удовлетворения уведомив мадам Г. о нашем решении уйти от нее.

– Будто – что?

Я почти не слушала ее, пытаюсь отодрать доску, под которой хранила свою драгоценную жестянку с деньгами, а потом уселась пересчитывать их в надежде, что они там хоть слегка сами собой размножились.

– Ну, будто... – Она понизила голос. – Будто мы с тобой такие женщины, которые торгуют собой?

Я просто ушам своим не поверила.

– Не хочешь ли ты сказать, что если мы примем помощь Бальсана, то станем проститутками?

– Ну, не совсем, конечно, – возразила она, хотя встревоженное лицо ее говорило, что именно это она имела в виду. – Только... Ммм... Он же дает нам деньги, и если мы примем их, это пробудит в нем определенные надежды...

Я подавила желание напомнить ей, что совсем недавно она предлагала мне стать *grande cocotte* и, похоже, не видела в этом ничего дурного. А теперь беспокоится, стоит ли принимать помощь от человека, которого она знает больше года и который не позволил себе со мной ничего неподобающего или непристойного.

– Это не одно и то же, – возразила я, поскольку, считая ее страхи нелепыми, понимала, что предположение ее не было лишено некоего основания, что тревожило и меня тоже. – Этьен Бальсан – наш друг. Мы берем у него в долг. И в свое время вернем ему.

– Луиза очень расстроилась, – продолжала Адриенна, кусая губу. – Я была у нее недавно, и она сказала, что наш переезд в Виши весьма необдуманный, в этом городе мы не сможем жить спокойно и самостоятельно, ни от кого не завися. Сказала, если нам здесь плохо, лучше вернуться в Варенн и жить с ней.

– И что нам там делать? – Я с такой силой брякнула жестянкой о пол, что Адриенна вздрогнула. – Помогать украшать ее идиотские шляпки и валять дурака? Раскрой глаза, Адриенна. У тебя есть твой барон, он влюблен в тебя по уши, у тебя есть я, в конце концов. Если хочешь ехать в Варенн, давай поезжай. Но я еду в Виши, с тобой или без тебя.

Глаза ее наполнились слезами. Я крепко обняла Адриенну, и она, всхлипывая и шмыгая носом, пожаловалась, что это я такая смелая, что она трусиха и что иногда я бываю такая жестокая.

– Знаю, – отвечала я, а сама удивлялась, почему у меня нет этого буквально парализующего страха перед жизнью свободной и независимой, который есть у нее, у сестры Джулии, у многих других девушек. – Мы уже были в Виши раньше, к тому же ты можешь делать там то же, что делала здесь, и даже поехать к Луизе на поезде, если мы заработаем денег на билет.

– Там все будет по-другому, – бормотала она, однако осталась рядом с нашими чемоданами, пока я пререкалась с мадам Г. насчет того, сколько мы ей должны.

Бальсан купил нам билеты до Виши в вагон третьего класса, на этом настояла я, поскольку не хотела принимать от него благодеяний больше, чем это было необходимо. Сам он на месяц уезжал в Лион, в гости к родственникам, но обещал навестить нас, как только вернется.

Третий класс поезда, конечно, лучше, чем дилижанс, но нам пришлось всю дорогу до Виши стоять – все сидячие места были заняты. И комната, которую я сняла в прошлый приезд с Бальсаном, оказалась совсем не так хороша, как в первый раз, когда я осматривала ее. Одно-единственное перекосившееся окошко выходило на улочку, где всегда было полно подгулявших посетителей близлежащих ресторанчиков; здесь стоял устойчивый запах сырости и гниющих отходов, и мне пришлось раздавить ногой огромного таракана и поскорей отшвырнуть его под кровать, чтобы не заметила Адриенна. Зато обстановка была довольно сносная, включая треснувшее зеркало над покосившимся комодом, и, пока Адриенна с печальным смирением разглядывала свое отражение, я решительно принялась распаковывать вещи.

– По крайней мере, нет этой ужасной печки – пожара не наделаем. Все будет хорошо, вот увидишь. Через пару недель у нас будет столько работы, что только успевай.

Но все обернулось совсем не так, как я ожидала. В большинстве кафе певичек хватало, к тому же у заднего входа в такие заведения выстраивались очереди из желающих получить работу. Нам удалось устроиться на неполную неделю в ателье починки одежды, но платили там не больше, чем у мадам Г., и, хотя я опустошила свою драгоценную жестянку, чтобы купить подходящий для прослушиваний костюм, ни один из владельцев кафе на бульваре не пожелал меня взять. Наконец закончился летний сезон, отдыхающие разъехались, и Виши опустел, а я вдруг получила приглашение от хозяина одного кабаре под названием «Le Palais Dorgé»,⁵ расположенного вдали от модного бульвара; единственное, что можно было бы с натяжкой описать здесь словом «позолоченный», – это никотиновые пятна на стенах.

Итак, каждый вечер я пела в этом beuglant.⁶ Нас было десять певичек, и мы хором исполняли популярные песенки под крики и вопли разгоряченных матросов и прочего сброда. Господи, как же я ненавидела тянущиеся ко мне со всех сторон жадные и грязные лапы и слюнявые губы, от которых не было отбою! Поздно вечером, возвращаясь домой, я то и дело на каждом углу натывалась на пьяных. Но, открыв дверь и глядя на Адриенну, сгорбившуюся на кровати над бесконечной починкой и штопкой одежды, грудой валяющейся на полу, я широко улыбалась и объявляла, что получила нынче больше чаевых, чем за неделю в «Ротонде».

– Замечательно, – недоверчиво говорила она, и мы на скорую руку сооружали холодный ужин из черствого хлеба и жирной ветчины, купленной в charcuterie,⁷ где нам продавали ее со скидкой.

И вдруг однажды я пришла домой, состояние хуже некуда, чувствую, совсем почти дошла до точки, а Адриенна поджидает меня, а на ней грязный дорожный костюм, чемодан упакован, на голове мягкая шляпка.

– Я возвращаюсь в Мулен. Я люблю тебя, Габриэль, ты для меня как сестра. Но я больше не вынесу... – Голос ее пресекался. – Морис ни разу не навестил меня, и если я останусь здесь надолго, так далеко от него...

– Ну-ну. Молчи, я все понимаю, – прошептала я и обняла ее.

Потом проводила ее на вокзал, купила билет в третий класс до дому и помахала ей с платформы рукой, когда окутанный черным облаком дыма поезд, лязгая, отъезжал от станции.

И только кое-как добравшись до дому, снова оказавшись в своей убогой комнатухе, я поняла, что меня в очередной раз бросили.

Правда, на этот раз я по-настоящему осталась одна.

⁵ «Позолоченный дворец» (фр.).

⁶ Кафешантан (фр.).

⁷ Магазин колбас (фр.).

10

Живя в Мулене, я так привыкла к тому, что рядом всегда был Бальсан, что сначала его отсутствие вызывало чувство растерянности, потом обиды, и наконец меня охватило такое возмущение, что в гневе я усилием воли постаралась подавить в себе всякие воспоминания о нем, как давила бесчисленных тараканов, бегающих по комнате.

Однажды вечером, выступая в beuglant с каким-то совершенно ужасным номером в оскорбляющем мое достоинство платье с голыми плечами, в которое нас всех вырядили по требованию владельца, да еще высчитали за него из жалованья, я вдруг увидела, как в помещение входит Бальсан. Я узнала его сразу, хотя нас разделял зал, для меня это было как удар под дых. С горечью во рту я продолжала распевать идиотскую песенку, а он тем временем, явно ошеломленный, озирался, вглядываясь в громко топающих ногами, жующих табак и со смаком сплевывающих в плеватальницы посетителей. Потом медленно повернулся к сцене.

Должно быть, он тоже сразу заметил меня, самую костлявую, в корсаже, который держался только благодаря булавкам, поскольку за это время я страшно похудела, но я сделала вид, что не вижу его. Закончив номер и сопровождаемая жутким свистом, я бросилась за кулисы, стащила с себя ужасный наряд, а тем временем администратор орал как резаный: «Ты еще не закончила! Твоя очередь собирать чаевые!»

Чаевые мы собирали в особый кошель, который он всегда проверял, приличную долю отбирая лично для себя. Но я только бросила на него злобный взгляд и ринулась через черный ход вон, уже не заботясь о том, что испачкаю единственную пару приличных туфель в блевотине перепивших посетителей.

Я пулей примчалась домой, и на душе у меня было гадко. Сбросив плащ, я посмотрела на себя в зеркало. Уже несколько недель я старалась в него не заглядывать: не хотелось видеть, до чего меня довело мое упрямство. А теперь, увидев свое отражение, я отчаянно застонала.

На меня смотрело худенькое личико девочки, какой я была когда-то: огромные черные и потухшие глаза над впалыми от постоянного недоедания щеками. Я отвернулась, полезла в сумочку, достала полупустую пачку сигарет. Курила я теперь непрерывно, самую дешевую дрянь, какую могла себе позволить, поскольку табачный дым помогал мне не чувствовать голода.

И вдруг послышался стук в дверь.

Я замерла, стояла не двигаясь, пока зажженная спичка не обожгла мне пальцы. Я не отвечала. Пускай стучит сколько угодно, хоть костяшки в кровь обдерет. Пускай проваливает к черту наслаждаться своим беззаботным существованием, и будь он проклят со своими лошадьми и пустыми обещаниями!

– Коко! – Голос его прозвучал отчетливо, поскольку дверь была такая же тощая, как и я сама. – Я знаю, что ты здесь. Открой. Я хочу тебя видеть. Я повсюду искал тебя.

Тут уж я устоять не могла. Рванувшись к двери, я распахнула ее настежь и, не успев на переступить порог, заорала:

– Повсюду искал, говоришь? Интересно, где же ты смотрел? Все это время я была здесь, в этой комнате, которую мы с тобой сняли вместе. Ты хотел меня видеть? Ну вот она я, перед тобой. Смотри!

Я хотела уже захлопнуть дверь перед его носом, но Бальсан успел подставить ногу. Он зашел в комнату, а я пятилась перед ним, такая разъяренная, что готова была задушить его голыми руками.

– Боже мой... Что они с тобой сделали? – тихо произнес он.

Я так и обмерла на месте, закрыла лицо руками; меня душили рыдания. Столь глубокого горя я не испытывала с того дня, как нас бросил отец. Нахлынуло все сразу: и горечь моих утрат, и растерянность от путаницы и неразберихи в голове, и потеря веры в себя, и отчаянное чувство, будто, несмотря на все мои старания выкарабкаться, несмотря на уверенность в своей силе, окружающий мир всегда будет сильнее меня, а все мои иллюзии рано или поздно погребут меня под своим тяжким весом и станут мне могильным надгробием.

— Немедленно уходим отсюда, — услышала я его шепот. Его руки обвились вокруг моей талии и прижали меня к себе; я плакала и пыталась оттолкнуть его. — Мы будем жить у меня в замке. Хватит с тебя гордыни, побаловалась, и будет. Я хочу, чтобы ты была со мной.

11

Какая девушка не хочет, чтобы о ней кто-нибудь заботился?

Именно это я повторяла себе, когда Бальсан отвез меня обратно в Мулен, чтобы я попрощалась с родными. После сурового испытания в Виши даже этот городишко показался мне сущим раем, но приехала я туда лишь для того, чтоб навестить своих тетюшек. В новом черном льняном жакете и такой же юбке, которые мне купил Бальсан (прежнюю мою одежду мы просто выбросили), я сидела и скромно помалкивала, в то время как он уверял Луизу, что с ним я ни в чем не буду нуждаться.

Адриенна радостно захлопала в ладоши, будто видела, как Бальсан стоит передо мной на коленях и протягивает мне обручальное кольцо. За несколько месяцев нашей разлуки к ней вернулось прежнее самообладание, она вся так и сияла, потому что Морис де Нексон действительно чахнул по ней, хотя она так и не объяснила толком, почему он не приехал навестить ее в Виши. Луиза подыскала ей подходящую компаньонку, искусную сваху, которая предложила устроить для Адриенны с бароном и еще нескольких пар путешествие в Египет, чтобы возлюбленные оказались подальше от привычного окружения, окунулись в иную атмосферу и убедились, что брак – это именно то, чего они желают. Позже, гуляя со мной по городской площади, Адриенна призналась, что родственники Нексона хотят, чтобы он женился на девушке его круга, но он твердо заявил, что, кроме нее, никого не желает, и теперь она готовится к схватке, в которой хочет перетянуть их на свою сторону.

– Я очень рада за тебя, – сказала я.

Впрочем, я была несколько удивлена ее готовности терпеть неизбежные унижения, выступая в роли любовницы барона. Как удивлена и готовностью Луизы допустить такое, не важно, будет у Адриенны компаньонка или нет. В то же время я понимала, что и сама собираюсь поступить точно так же по отношению к Бальсану, хотя он ни о чем таком и не заикался. Едва ли я могла трезво судить о ситуации, которую и сама готова была принять. К тому же Адриенна была влюблена, тогда как мои чувства к Бальсану и отдаленно не были похожи на ее любовь. Благодарность – да, за утешение, за помощь, которую он оказал мне, ведь, оставшись одна, я бы просто погибла. Однако, как ни искала я в сердце хоть что-то похожее на страстное влечение Адриенны к Нексону, так и не нашла. На самом деле я страшилась развития наших с Бальсаном отношений в сторону дальнейшего сближения, хотя и понимала, что это неизбежно. И снова, пока Адриенна потчевала меня своими надеждами, я задавалась вопросом: неужели я не способна на пылкую страсть, которую Адриенна с таким жаром описывала?

Тетя Луиза пожелала мне *bonne chance*⁸ и отвела глаза в сторону, тем самым как бы признавая, что мой отъезд был для нее облегчением. Выходило, что я дочь своего отца и у меня своя дорога. Для всех будет лучше, если Адриенна выйдет из-под моего влияния. Я была всего лишь племянницей, тогда как Адриенна – родной сестрой, о будущем которой Луиза должна заботиться, если хочет, чтобы брак Адриенны с бароном стал реальностью. Я была для Луизы обузой, нежелательным напоминанием того, как может кончиться простая девушка. Как и в детстве, мне следовало исчезнуть, убраться с глаз долой.

И эта мысль укрепила мою решимость. Я уехала из Мулена без колебаний, несмотря на то что младшая сестра Антуанетта все еще оставалась в монастыре, а Джулия была всего в часе езды у бабушки с дедушкой. Мне очень хотелось увидеться с ними, не хотелось только объясняться. Все равно тетя Луиза скоро им сообщит, что я сбилась с пути истинного, поте-

⁸ Удачи (фр.).

ряла надежду стать уважаемой женщиной. Я понимала, что она именно так и думает, читала ее мысли по глазам. Она не верила, что Бальсан когда-нибудь на мне женится.

Да я и сама не верила в это. Но решение принято, хорошее оно или нет.

* * *

Имение XVII века с пышным названием Руайо, которое купил Бальсан, находилось в окрестностях Компьеня, хотя сам замок был отнюдь не столь пышным: старый, запущенный, отапливался только огромными, покрытыми копотью каминами, мебель и портьеры на окнах и дверях пропахли плесенью. Многие годы комнаты оставались необитаемыми и были заставлены тяжелыми, покрытыми чехлами креслами и столами. Трубы водопровода проржавели, и вода из них текла бурого цвета. Всюду в углах виднелся мышиный и крысиный помет.

Но как ни странно, Бальсан оставался невозмутимым, несмотря на всю свою привередливость и брезгливость. Он лишь мимоходом заметил, что давно навел бы в доме порядок, но сейчас не время, надо срочно готовиться к приему только что приобретенных лошадей, устроить конюшни, расчистить буйно разросшийся лес для скаковых дорожек и лужайки для игры в поло.

Я не могла не заметить, что Бальсан сильно изменился, хотя как именно — не могла понять. Он возобновил прежние дружеские связи, признавшись, что так долго не являлся ко мне, потому что ему неожиданно пришлось уехать в Париж, уладить какое-то неотложное дело. Что за дело, он говорить не стал, а я и не спрашивала. Я начинала понимать, что любовница, задающая слишком много вопросов, его вряд ли устроит.

А вот что именно его может устроить, какие планы у него были на мой счет, мне открылось не сразу. Он великодушно позволил мне самой выбрать себе спальню со смежными ванной комнатой и гостиной, где я могла читать книжки и заниматься своими шляпками. Это была, конечно, роскошь, если не считать, что вода в кране то била мощной струей, то текла тоненькой струйкой, а трубы стонали, как раненные животные. В этих огромных помещениях я наслаждалась покоем, мне очень нравилось чувство, что я могу уходить и приходить, когда и куда мне угодно, таскать к себе из довольно богатой библиотеки, приобретенной вместе с домом, книги тяжелыми стопками и часами подряд валяться на кровати или ковре, предаваясь мечтам и фантазиям.

Бальсан дал мне денег, чтобы я купила еще шляпок и всего остального, что нужно для их отделки. Меня вдруг охватил творческий недуг, он заставлял меня работать даже по ночам, пока законченные шляпки не заполнили собой все горизонтальные поверхности моей гостиной, а также и соседней комнаты. Бальсан принимал это как должное, с улыбкой на тонких губах; сам же большую часть дня отсутствовал, занимался своими проектами.

Виделись мы с ним по вечерам за обедом, который нам подавали незаметные слуги. Наслаждаясь только что приготовленной едой, я без умолку щебетала, с упоением рассказывая ему о своих новых творениях и романах, которые прочитывала за один присест. После Виши я никак не могла наесться вволю.

— Когда ты только все успеваешь? — спрашивал он, закуривая послеобеденную сигарету. — Я думал, ты до полудня спишь и до трех принимаешь ванну.

— Ну, не без этого, конечно, — призналась я. — Но я не все время бездельничаю.

По правде говоря, я ощущала страшное неудобство, что пользуюсь его щедростью, а сама ничего не делаю. Всю свою жизнь я работала. И не привыкла весь день сидеть сложа руки. Конечно, я тратила время на чтение книг, это занятие никогда не было для меня пассивным, оно давало мне много пищи для ума, еще я занималась своими шляпками, но прошло несколько недель, и у меня появилось тревожное чувство бесцельности своих занятий.

Размышляя о том, что бы такое сделать, чтобы отработать все, что даровал мне Бальсан, я чувствовала легкую панику. Я не была еще готова дать ему то, чего он, должно быть, ждал от меня.

– Послушай, научи меня кататься верхом, – однажды выпалила я.

Он лениво улыбнулся:

– А что, это было бы интересно. Лошадей не боишься?

– Конечно нет, – обиженно ответила я, хотя ни разу в жизни не сидела на лошади. –

Мне кажется, это довольно легко.

Он вынул изо рта сигарету и усмехнулся:

– Ну смотри, моя маленькая Коко, как только придут лошади, будешь учиться держаться в седле. Неплохая мысль, тем более что я собираюсь приглашать друзей, а большинство из них обожают охоту.

Мне показалось, что в его тоне я уловила какую-то странную нотку. Он отправился в библиотеку, а я вернулась к себе наверх – поработать над шляпками. Но привычная всепоглощающая сосредоточенность вдруг покинула меня. Я расхаживала по комнатам, подходила к окнам, вглядывалась в плотную тьму ночи, где на фиолетовом фоне неба проступали темные силуэты деревьев.

Когда за моей спиной закрипела дверь, я все поняла и повернулась к нему. Он остановился на пороге. Потом шагнул в комнату, закрыл за собой дверь. Поднял руку, чтобы снять воротничок рубашки, а я молча смотрела на него во все глаза.

– Ну как... ты не против? – спросил он.

Я стояла не двигаясь, в руке у меня дымились сигарета.

– Только если ты сама хочешь, – прибавил он, доставая серебряный портсигар из брючного кармана и кладя его на ночной столик возле кровати. – Я не хочу принуждать тебя.

– Нет... Конечно не против, – ответила я.

Сердце бешено заколотилось в груди, трясущимися пальцами я нащупала застежку платья. С почти небрежным равнодушием он наблюдал, как я стащила его, а потом и сорочку. Так и стояла перед ним, скрещенными руками закрыв груди, в одних только сбившихся на бедрах панталонах. Настал момент, которого я боялась больше всего, и я понятия не имела, что сейчас от меня требуется. В голове мелькали образы хористок из «Позолоченного дворца», вливавших бедрами и низко наклонявшихся над столиками, чтобы продемонстрировать свои груди. Он что, хочет, чтобы я прямо сейчас исполнила перед ним какой-нибудь канкан в полуголом виде?

Но он все так же спокойно откинул одеяло, снял рубашку и брюки. Грудь его на удивление оказалась худой, как у мальчика, белокожей и узкой. Особенно мне не понравились его странно мясистые соски, и я опустила глаза на его бедра, оказавшиеся шире, чем я представляла у мужчин, и ниже, на ноги, толстые и волосатые. В нем было что-то от кентавра, тощего в верхней части своего уродливого тела и тяжелого в нижней. А когда я увидела его маленький, безвольно повисший член, торчащий из пучка густых каштановых волос в паху, по цвету темнее, чем на голове, я почувствовала отвращение. В одежде Бальсан смотрелся гораздо лучше.

Он скользнул под одеяло, похлопал по свободному месту рядом. Я двинулась к кровати, а у самой в голове мелькнула мысль, что в этих панталонах на бедрах и с голыми маленькими грудями я выгляжу совершенно нелепо. И как можно скорее я залезла под одеяло.

Он протянул руку, принялся поглаживать мне шею, груди, легко пощипывать соски. Я закрыла глаза, стараясь ни о чем не думать, но все равно видела перед собой паутину в углу под потолком, в ней притаился паук, за которым я с любопытством наблюдала каждый день; поймав муху, он аккуратно заворачивал ее, пока она все еще продолжала подергиваться, в кокон. Не паук – паучиха, конечно. Я даже окрестила ее Марго. Сейчас она сидит

неподвижно, ждет очередного пиршества, и мне казалось, что я тоже ее жертва, а Бальсан тем временем стал целовать меня в шею.

Надо же, в романах все происходит совсем не так. А тут ничего похожего. Такого я совсем не ожидала; в голове мелькнула догадка: романские экстазы выдуманы писателями, в действительности все происходит гораздо прозаичнее, разве может столь примитивный акт, совершаемый людьми регулярно, с его пресловутой *le petit mort*,⁹ быть вершиной человеческих переживаний? И все же я ждала, надеялась, что хоть что-нибудь почувствую. Но вот досада, я не чувствовала решительно ничего. Когда от шеи он снова перешел к моим грудям и принялся жадно сосать их, как ребенок мамкину сиську, я чуть было не захихикала, мне с трудом удалось подавить неожиданный приступ смеха. Все это казалось так курьезно, так нелепо.

– Тебе нравится? – слышался его невнятный шепот, поскольку он держал мой сосок во рту.

Я быстренько сообразила, что мне должно нравиться, и фальшиво застонала. Похоже, ему это тоже понравилось, он сразу заерзал, зашевелился, покусывания стали энергичней, язык работал вовсю, и наконец отвердевший член стал толкаться мне между бедер, и я пошевелила бедрами, чтобы избавиться от него. Бальсан принял это за приглашение взобраться на меня верхом, что он немедленно и сделал.

– О Коко, как долго я ждал... – задыхаясь, прошептал Бальсан.

Ой-ой, как больно! Неожиданная боль обожгла меня, я даже задохнулась, а он прижался ко мне теснее и проткнул меня чуть ли не насквозь, и еще, и еще, сквозь сжатые зубы издавая при этом какие-то сдавленные звуки. Казалось, это никогда не закончится, но вдруг раз! – и все, я даже не ожидала. Он закричал, торопливо вытащил член, и из него мне на живот брызнула теплая и липкая жидкость. Я заглянула под простыню, увидела сперму, пятна крови на простыне и у меня между бедер и испуганно заглянула ему в глаза.

– Почему ты ничего не сказала? – спросил он, но в тоне его прозвучал не упрек, а лишь некоторое удивление. – Знал бы, не был бы так настойчив.

Я пожала плечами:

– Когда-то это должно было случиться. Я рада, что это сделал ты.

Он поцеловал меня и лег рядом, потянулся было к брюкам, но передумал, взял свой серебряный портсигар. Прикурил две сигареты, одну протянул мне. Мы лежали бок о бок, не касаясь друг друга, и молча курили.

– Ну ладно, – наконец сказал он. – Все было просто чудесно. Доброй ночи, Коко. Спасибо тебе.

Мне удалось выдавить из себя слабую улыбку. Он быстро оделся и вышел из комнаты. Марго пробежалась по нитям паутины к одной из своих спеленатых жертв и с упоением принялась терзать ее.

Да, ощущения, конечно, любопытные, но повторять их что-то не очень хочется... Но если такова была необходимая цена, я могла и потерпеть.

---

⁹ Маленькая смерть (*фр.*) – так французы называют оргазм.

12

Приехали друзья Бальсана, нарушив безмятежное однообразие нашей жизни. В постель ко мне Бальсан залезал еще всего лишь два раза. Ничего особенного я так и не ощутила, но он, похоже, этого не заметил. Всякий раз после соития он выкуривал со мной сигарету, а потом уходил. Такая предупредительность была мне приятна, можно было спокойно принять ванну и смыть с себя запах одеколона и той дряни, которую он выплескивал мне на живот. После ванны я обычно читала или занималась очередной шляпкой и старалась не думать о том, что со мной явно что-то не так, поскольку я не получаю никакого удовольствия от акта, который ему приносит явное наслаждение. Но я не могла не думать о том, что неужели всякая пара, как и мы, исполняет тот же самый ритуал с бесстрастной правильностью и аккуратностью. Как ни была я неопытна в таких делах, но все же сомневалась в этом. Мне казалось, люди вроде Адриенны с Нексоном не стали бы подвергать себя таким испытаниям только для того, чтобы пожениться, а потом всю жизнь получать столь жалкое вознаграждение.

Прибытие незнакомых людей усилило мое смятение. Услышав шум внизу и различив среди множества голосов женский голос, я бросилась к шкафу и пробежалась руками по отделанным оборками, тесьмой и кружевам платьям, которые мне накупил Бальсан и в которых совершенно терялась моя индивидуальность. Я предполагала, что эта женщина внизу, кто бы она ни была, наверняка затмит меня, поскольку все эти платья превращали меня в кого угодно, только не в того человека, которым я была на самом деле. Тогда я плюнула на все и решительно надела ансамбль, который сшила сама.

Как-то раз от нечего делать я взяла две вещицы из гардероба Бальсана и составила смелый ансамбль. Ушила в талии его старую вечернюю рубашку, добавила круглый воротничок и обтянутые тканью пуговицы. К рубашке я подобрала облегающую светло-коричневую юбку, купленную во время одной из поездок в Компьень за новым запасом шляпок, подпоясала мешковатый бежевый пуловер, также принадлежавший Бальсану, но севший в результате неправильной стирки, и надела туфли на низком каблуке кремового цвета.

Быстрым взглядом я окинула в тусклом зеркале свое отражение. Что и говорить, костюм оригинальный, даже экстравагантный, явно в мужском стиле: я была похожа на девочку, которая в шутку переделалась в отцовскую одежду, но в этом-то и было нечто неуловимо элегантное, мне очень нравилось, как костюм гармонирует с моей слегка угловатой фигурой. Наверняка произведу впечатление, подумала я, и неуверенная улыбка в зеркале разъехалась еще больше.

Пусть лучше о тебе говорят что угодно, чем совсем не обращают внимания.

Я спустилась в общую гостиную, где уже собрались Бальсан и его компания.

Все холеные и прекрасно одетые; над головами пелена табачного дыма, лениво потягивают виски, о чем-то болтают. Как только я появилась, они, словно по команде, повернулись в мою сторону, но в глазах гостей не видно было ни открытого осуждения, ни даже порицания, скорее любопытство, будто я некий трофей, которым Бальсан решил перед ними похвастаться. Он подошел и взял меня за руку:

— Коко, позволь представить тебе...

Обстоятельно перечисленные имена выскочили у меня из головы в ту же секунду, как я их услышала. Позже некоторых из них я узнала поближе, но сейчас мне было не до того, я была слишком взвинчена. Я лишь улыбалась и кивала. Наконец он подвел меня к роскошной женщине с локонами и в платье с оборками; ее зеленовато-голубые глаза под густыми ресницами разглядывали меня с откровенным интересом.

— А это Эмильена д'Алансон, знаменитая актриса.

Та разразилась колючим, как шампанское, смехом:

– Для тебя знаменитая, дорогой Этьен, но не для этого чудного создания. Она небось обо мне и не слышала. – Эмильена улыбнулась, обнажив небольшие зубки цвета слоновой кости. – *Enchanté, ma chère*.¹⁰ Именно такая, какой вас описывал Этьен.

Она говорила о нем странным тоном, и я сразу почувствовала, что они близки. Видно невооруженным глазом: они больше, чем просто друзья.

– Эмильена была моей любовницей. Помнишь, я уезжал по делам в Париж? Я ездил к ней. – Он проговорил это сухо, как бы мимоходом, тем же тоном, каким благодарил меня после того, как мы с ним были в постели.

Своей удивительно гладкой ладошкой Эмильена игриво шлепнула его по руке:

– Проказник! Бросил меня, не заплатив, так что будь готов, я пришлю тебе счет. Ни один мужчина, будь он хоть самый распрекрасный, не бросает Эмильену д'Алансон, не уплатив по счетам.

Бальсан весело рассмеялся и вернулся к мужчинам. Эмильена снова улыбнулась мне, еще более дружелюбно. Она была потрясающе красива: безупречная кожа, бледная, с розовым оттенком, хотя это не был румянец, золотисто-рыжеватые волосы зачесаны вверх по последней моде, длинные локоны обрамляют ее овальное лицо. На ней было небесно-голубое шелковое платье с оборками и с вышитыми китайскими мотивами: аистами и водопадами; на любой другой женщине это выглядело бы ужасно. От драгоценностей на шее и на запястьях дух захватывало, но тут был, пожалуй, явный перебор, я еще не видела, чтобы женщина со вкусом днем навешивала на себя столько побрякушек. Впрочем, все в ней было избыточно, чересчур театрально, но, как ни странно, это лишь усиливало ее привлекательность.

Я поняла: передо мной нечто большее, чем просто актриса: Эмильена д'Алансон была одной из тех самых *grande cocotte*, о которых когда-то говорила Адриенна.

– Как вам нравится в Руайо? – спросила она и, взяв меня под руку, повела к двойным застекленным дверям, ведущим на веранду. – Отвратительное место, вы не считаете? Такое чувство, будто именно здесь останавливалась Мария Антуанетта на пути к гильотине.

Я не могла сдержать улыбку. Поразительно, как это у нее получалось? Что бы она ни говорила, это не могло ни обидеть, ни оскорбить.

– Пожалуй, дом не мешает хотя бы слегка подновить, – ответила я.

– Еще бы, – радостно промурлыкала она. – Но Этьен так занят своими лошадьми, что о доме вспомнит, только когда он рухнет ему на голову. Слава богу, у него хотя бы теперь есть вы. – Она помолчала, окидывая меня взглядом с головы до ног. – Судя по вашему стилю одеваться, я думаю, вы вполне могли бы взять на себя реконструкцию. Надеюсь, он допускает вас к своим деньгам?

Я не знала, что и ответить.

– Думаю, не откажет, если я попрошу, – наконец промямлила я.

– Ну, тогда вы просто обязаны это сделать. – Она наклонилась ближе. – Берите у него все, что сочтете нужным... Вам полагается. Молодость и любовь со временем увянут, но деньги никогда не потеряют своего блеска. – Она увлекла меня за собой на веранду. – О, какой чудесный здесь воздух, свежий и такой приятный, не то что отвратительная парижская вонь! Прогуляемся? – Не успела я раскрыть рот, чтобы выразить согласие, как она вдруг остановилась. – Ох, я забыла в доме *chapeau*. Вы не могли бы оказать мне любезность? Принесите, пожалуйста.

Я вернулась в дом за шляпой – трудно было не заметить этого монстра, сплошь усеянного розетками и пучками перьев. Мне еще ни разу не приходилось исполнять роль девушки

---

¹⁰ Вы очаровательны, дорогая (*фр.*).

на побегушках, но я охотно принесла Эмильене эту шляпу и с любопытством смотрела, как она прилаживает ее на голове; более того, я даже помогла Эмильене приколоть шляпку, чтобы она паче чаяния не съехала набок.

– Сколько возни из-за таких пустяков, – сказала Эмильена. – Как много приходится женщинам суетиться, чтобы быть в форме. Я так рада, что вырвалась на свободу хоть на несколько дней, здесь можно обойтись без панциря. – Она изогнула запястье, грациозно помахала над головой ручкой. – Но не без шляпы. Дамы должны следить за цветом лица. – Эмильена повернулась и оглядела сад. – Я слышала, вы прекрасно владеете иголкой, – добавила она. – Когда Этьен был в Париже, то рассказывал, что вы делаете очаровательные шляпки.

Я так и застыла на месте. Она наблюдала за мной, видимо забавляясь.

– Ну так как же, *ma chère*? Это правда?

– Да, делаю. Но это так... просто хобби.

– Так мы должны посмотреть на это ваше хобби. Новые шляпки всегда меня интересовали. Мода в Париже меняется так часто, просто поразительно, ходишь вся такая модная, а буквально через день надо мчаться к портнихе и снова тратить огромные деньги. Такова цена славы: когда все на тебя смотрят, нельзя позволить себе надеть не то.

А она мне нравится, подумала я. Эмильена, должно быть, почувствовала мое восхищение и снова взяла меня за руку:

– Я бы очень хотела подружиться с вами. Бальсан – славный малый, я его очень люблю, несмотря на его отказ принимать мои услуги, и он без ума от вас. Не думаю, чтобы я когда-нибудь видела его таким счастливым.

Так-таки без ума?

Я улыбнулась, глядя ей в глаза:

– Я бы тоже хотела.

И тут мне пришло в голову, что прежде у меня никогда не было ни одной подруги, кроме Адриенны, конечно, но это не в счет, тем более что теперь она от меня так далеко. Отправилась со своим бароном в Египет, будет готовиться к жизни, от которой я решительно отказалась. О чем мы с ней станем говорить, если снова встретимся? Она совсем потеряла голову, как, наверное, и Бальсан, но у меня не было иллюзий в том, что мы с ним влюблены.

Эмильена повела меня по ступенькам веранды вниз. Мы молча гуляли по заросшим травой дорожкам сада, и я все время ощущала ее руку на своем локте, и должна признаться, у меня давно не было так легко на душе.

* * *

Пока Этьен и остальные мужчины щеголяли друг перед другом костюмами для верховой езды, мы с Эмильеной попивали на веранде кофе, лакомились шоколадом и рассуждали о ее жизни в Париже, где она играла в театре и жила в квартире, выходящей окнами на Тюильри. Она рассказывала о Париже так, будто я не раз там бывала и знала все эти места как свои пять пальцев: опера, театры, кафе, бистро и магазины. Я делала вид, что так оно и есть, мне было стыдно признаться, что я почти нигде не была и ничего в мире не видела.

В выходные она предпочитала не надевать свои роскошные платья и *chapeaux* размером с небольшой поднос и лениво слонялась по комнатам в расшитых шелковых халатах с широкими рукавами и украшенными бриллиантами застежками, а ее длинные и густые волосы, совсем как у Мадонны, струились по спине. Казалось, что она передвигается, окутанная неким облаком. Но каким бы небрежным ни был ее наряд (с ее точки зрения, но не с моей; я считала, что она всегда появляется одетая как на праздник), я заметила, что она никогда не снимает корсета.

Когда я наконец набралась смелости и спросила ее, не тяжело ли ей с утра и до вечера ходить закованной в китовый ус, Эмильена усмехнулась:

– Мучительное испытание, конечно, но надо терпеть, тут есть свои плюсы. Между нами, молодость моя уже далеко в прошлом, та *chère*, а потому приходится как-то поддерживать хотя бы ее иллюзию. – Она задумчиво посмотрела на меня. – А вы разве никогда не носили корсета?

Конечно носила, хотя старалась делать это как можно реже и совсем перестала после того, как прекратила петь в ресторанах.

– Я не люблю их, – покачала я головой.

И снова мне пришло в голову, что она видит меня насквозь и понимает, что перед ней девушка, которая нигде не бывала, ничего не знает и не умеет одеваться.

– Вот она, упругость и эластичность юности, – вздохнула Эмильена. – Когда вы поворачиваетесь, становитесь ко мне боком, вас практически не видно. Такая плоская и тоненькая... Как я вам завидую! Хотя корсет приподнял бы вам грудь, а такие люди, как Бальсан... В общем, они предпочитают женщин попышнее, с округлостями.

Это что, недостаток – отсутствие округлостей?

Потом она неожиданно переменяла тему и попросила показать ей мои шляпки. На мгновение я испугалась, мне было страшно, что, с ее утонченностью, изысканностью, она посчитает мои творения жалкими суррогатами. Но я все же повела ее наверх, в свой салон, куда до сих пор ее не пускала и где просиживала часами, доводя свои шляпки до того, чтобы они выглядели в наилучшем свете. Она сразу подлетела к стоящему возле окна столу, где рядами выстроились мои творения. У меня болезненно сжалось сердце. Эмильена молчала и лишь осторожно водила над шляпками пальцами, не касаясь их. Один Бог знает, о чем она думала. Я уже хотела было выпалить, что, мол, занимаюсь этим от скуки, чтобы только время проводить, и мне все равно, понравятся они кому-нибудь или нет, как вдруг она бросила на меня взгляд через плечо:

– Можно примерить?

Она выбрала самую нарядную из моих шляпок: круглую, с загнутыми спереди маленькими полями, с камелиями из черного шелка и черными перышками. Лично мне она нравилась меньше остальных. Я считала, что в ней нет изюминки, однако когда Эмильена развернулась к зеркалу, я вдруг поняла: ей эта шляпка подходит просто идеально. Внешне мы с Эмильеной были совсем разные. Она была довольно широка в кости, высокая, скорее не толстая, а пухленькая. Ее фигура, затянутая в корсет, напоминала песочные часы: полная грудь, осиная талия, округлые бедра. И моя шляпка лишь подчеркивала статную фигуру Эмильены, не подавляя ее роскошных форм. Пристроив шляпку на голове, Эмильена слегка сдвинула ее набок и едва заметно нахмурилась.

Я поспешила к Эмильене, поправила шляпку, надвинув ее пониже на лоб.

– Ее что, надо носить так? – неуверенно спросила она.

Я кивнула:

– Она должна как бы обрамлять лицо.

– Но тогда прическа должна быть...

– Да-да, как можно проще. Шляпка будет плохо сидеть, если волосы зачесаны слишком высоко.

– И никакого каркаса из конского волоса, чтобы приподнять прическу? – Эмильена поймала в зеркале мой взгляд. – Да это настоящая революция, честное слово. Каждый день приходится тратить часы на модную прическу. А если отказаться от этого, куда прикажете девать свободное время?

Я улыбнулась. Шляпка очень шла Эмильене, но это было лишь мое мнение, а Эмильена уже повернулась взглянуть на другие шляпки, и тут я решилась:

– Шляпка – всего лишь аксессуар, ее задача оттенить выгодные черты лица и линии одежды. Не думаю, что носить большую тарелку с фруктами на голове очень удобно или привлекательно.

– Понятно. А вы свои шляпки... Как вы их делаете?

– Беру уже готовую основную форму. И украшаю.

– Ни одной в традиционном стиле, к тому же вы не используете никаких других украшений, только перышки и кусочки цветной ткани то здесь, то там. И вместе с тем это настоящая революция... – Она опять повернулась к зеркалу. Несколько секунд молчала. – Ну что вам сказать, *ma chère*, у вас на самом деле удивительные шляпки. Такие необычные и вместе с тем такие изысканные. Как и вы сами. А вы думали их продавать?

Я хотела солгать, но, к моему удивлению, честно ответила:

– Пробовала, когда жила в Мулене. Как-то я сделала шляпку, и одна женщина в Виши похвалила, сказала, что она очаровательна, но больше никто не заинтересовался. Теперь я делаю в основном для себя. Мне... мне просто нравится это занятие.

– Это видно. А эти свои интригующие наряды, которые вы носите, вы тоже сами делаете? Правда? Как это удивительно! – (Уже во второй раз она употребила слово «удивительный». В груди у меня стало жарко.) – Знаете, в Париже, на улице Лафайет есть превосходный галантерейный магазин. И там продают шляпы самых разных форм. Если хотите, в следующий раз я привезу для вас кое-что.

Я готова была расцеловать ее:

– Конечно хочу, даже очень! В Компьене выбор не очень богатый.

– Ну уж, сравнили тоже, Компьень и Париж! Интересно, что бы сказал по этому поводу Бальсан? – Эмильена минутку подумала. – Все равно что сравнить осла с породистой лошадью. – Она засмеялась и сняла шляпку. Я протянула руку, чтобы взять и поставить на место, но не тут-то было. – Сколько за нее хотите?

Я так и замерла. Понятия не имею, сколько сейчас стоит готовая шляпка.

– Пусть это будет для вас подарком.

Она прищелкнула язычком:

– *Ma chère*, вы должны назвать свою цену. Женщина не должна ничего отдавать бесплатно.

– Ну, десять франков, – выпалила я.

Мне казалось, что я запросила слишком много, но она лишь вздернула бровь:

– Всего-то? Продано. Я надену ее, когда в следующий раз отправлюсь в Тюильри пить чай. Там все лопнут от зависти и обязательно захотят узнать, где я купила столь очаровательную *chapeau*.

Вся дрожа от волнения, я повернулась к столу, ломая голову, как бы получше завернуть ей покупку, но она положила руку мне на плечо. Ее чистый запах, приправленный эфирным маслом с ароматом розы, пронизал все мое существо.

– Думаю, вас ждет большой успех, Коко Шанель. И я помогу вам в этом.

13

Когда Эмильена уехала в моей шляпке, весело помахав рукой на прощание и обещая скоро вернуться, мне стало грустно. Несчастливая, одинокая и покинутая, я стояла у входа в дом, у моих ног вертелись, что-то вынюхивая, борзые Бальсана, а я печально смотрела, как ее экипаж удаляется по дороге к железнодорожной станции.

Подобные обещания я слышала и прежде. Я повернулась и вошла в дом.

– Ну чего ты раскисла? – спросил Бальсан. – Эмильена всех очаровывает, но мало кто нравится ей самой. И если уж она сказала, что вернется, то обязательно это сделает.

Он не понял, отчего мне стало грустно, откуда ему было знать о моей уверенности, что мне на роду написано: рано или поздно все от меня уходят, а я остаюсь одна. Мне не верилось, что Эмильена вернется, но я знала: если она не вернется, жизнь моя потеряет смысл. Я с головой погрузилась в работу, всякий раз хмуря брови, когда чуяла ее запах: все, к чему она прикасалась, пахло ею. Но, увы, запах этот быстро улетучивался. Бальсан заметил мое настроение. Он перестал навещать меня в постели, с утра до вечера занимался лошадьми. Наконец я не выдержала одиночества, спустилась вниз и разыскала его на конюшне, где он о чем-то беседовал с конюхами.

– Хочу учиться ездить верхом. Прямо сейчас, – заявила я.

Он оглядел меня с головы до ног:

– Прямо вот так?

Я сразу ошетибилась, нервы не выдержали его насмешливого тона, его самодовольства и благодушия, которые, казалось, постоянно исходили от него, хотя совсем еще недавно именно эти качества меня восхищали в нем.

– Да, прямо вот так. А в чем проблема?

Он еще раз оглядел меня. На мне был коротенький жакет, под ним простая блузка, юбка и сапожки, а на голове широкое канотье.

– Тебе придется осваивать дамское седло, – сказал он.

– Отлично!

И я решительно зашагала к конюшне, а Бальсан тем временем приказал конюху срочно приготовить для меня кобылу. Взобраться на нее оказалось трудней, чем я думала. И хотя Бальсан поставил передо мной специальную скамеечку, юбка моя оказалась недостаточно широкой, чтобы поднять ее, не оголяя при этом бедер. Наконец я весьма ненадежно устроилась в седле, и мне объяснили, как продеть ногу в стремя, а другую использовать для равновесия, и неожиданно мне показалось, что я выгляжу совершенно нелепо и смешно.

– Крепко держись за вожжи, но туго не натягивай, иначе порвешь ей губы, – объяснил Бальсан. – Для начала поедem медленно, не торопясь.

Я хотела сказать, что не нуждаюсь в его советах, но тут кобыла тронулась с места, следуя за Бальсаном, сидевшим верхом на призовом мерине, и я закачалась в седле, как мешок с мукой. Никогда прежде я не чувствовала себя такой неуклюжей, никогда прежде мне не было так страшно за свою жизнь. Я смотрела вниз, на землю, которая, казалось, была ужасно далеко. Обеими руками я вцепилась в поводья, но кобыла лишь храпела и мотала огромной головой, пытаясь укусить меня.

Мы медленно двигались по периметру недавно огороженного луга. Прогулка была совсем коротенькой, но к тому времени, когда мы вернулись к конюшне, я вся взмокла от пота, отбила себе ягодицы и была страшно недовольна собой.

– Ну что ж, неплохо, – сказал Бальсан, помогая мне слезть. Похоже, он даже несколько повеселел, видя, что я проявила инициативу, перестала хандрить и очередной день не просидела в своей комнате над шляпками. – Завтра получится еще лучше, – добавил он.

Сияя от похвалы, я вернулась в дом. Конечно получится. На другое я просто не согласна. Но только все будет не так, как сегодня. Если уж ездить верхом, так по-настоящему, обеими ногами в стремях, а не восседать на кобыле, как кремовая фигурка на торте.

Я отправилась в комнату Бальсана, порылась в его шкафу – прежде я не осмеливалась совать туда нос – в поисках чего-нибудь подходящего, из чего можно было бы соорудить костюм для верховой езды. Одежды у него было много, ни у кого из своих знакомых такого количества я не видела: сотни пиджаков, жилеток, брюк и рубашек, хотя нельзя сказать, что он был тщеславным, просто богатым, покупал все, что приглянется, и большинство из этих вещей так ни разу и не надевал. Наконец я наткнулась на слегка поношенную пару бриджей для верховой езды, вернулась к себе и принялась за работу, на которую потратила весь остаток дня и почти всю ночь. Зато когда на следующее утро я явилась к конюшне, Бальсан все понял с первого взгляда.

– Ну, Коко, ты действительно далеко пойдешь! – рассмеялся он.

Я не обратила внимания ни на его насмешку, ни на изумленные взгляды работников, глядевших на меня круглыми глазами. В новых, подогнанных по фигуре бриджах и в широкополой фетровой шляпе я с легкостью влезла на кобылу. Усевшись верхом, я взяла в руки поводья и посмотрела на все еще улыбающегося Бальсана:

– Вот теперь у меня получится лучше.

Так оно и вышло. Следующие несколько недель я занималась верховой ездой каждый день, пока мои импровизированные бриджи не протерлись на заднице, зато я могла уже скакать галопом, и сердце при этом не замирало от страха. Когда Бальсан сообщил, что на ближайшие выходные он снова планирует собрать друзей, моя уверенность в себе только окрепла. Я отправилась в Компьень, где у Бальсана был свой портной, предоставлявший ему кредит, и заказала для себя сразу два костюма для верховой езды – из твида и льна.

Портной, выслушав меня, недовольно засопел:

– Мадемуазель, дамы не носят брюк.

– А это не брюки, – отпаривала я. – Это бриджи для верховой езды. И дама, которая стоит перед вами, будет их носить, – сказала я, дав понять, что возражения бесполезны.

Теперь все знакомые Бальсана знали, что у него в доме живет *maîtresse*.¹¹ Даже Адриенна, которая время от времени писала мне, сообщая последние новости о непрекращающейся битве за то, чтобы женить на себе Нексона, прислала письмо, где упомянула, что Луиза и другие наши родственники, узнав, что я живу с мужчиной, весьма обеспокоены моим поведением. Впрочем, то же самое можно было сказать и про саму Адриенну, с единственной разницей, что на мне никто не обещает жениться. Словом, ее озабоченность я проигнорировала. Это мое личное дело, и других оно не касается. Так всегда со мной было, с самого детства. Родственники не думали обо мне, не заботились о моем будущем или, по крайней мере, о том будущем, которое меня бы устроило, так теперь пусть хоть Бальсан позаботится.

Тем не менее однообразная жизнь в Руайо потихоньку стала мне надоедать. Парадоксально, конечно, но после всех испытаний и лишений, через которые мне пришлось пройти, я не могла в полной мере наслаждаться окружавшей меня роскошью, тогда как большинство девушек ради этого были готовы на все. Свобода, которую я рисовала себе в воображении, казалась столь же недостижимой, как и в те ужасные дни, когда за кусок хлеба я кривлялась на сцене. И хотя теперь я питалась как королева, спала на перине и работала в свое удовольствие, мне было не вырваться за пределы невидимых границ. Все это я не заработала своим трудом, то есть была обязана другому человеку, и такое положение начинало меня раздражать. Неудовлетворенность, даже досада – эти чувства смутной тенью вползали в мое сердце

---

¹¹ Любовница (*фр.*).

по ночам, когда я стояла перед полной окурков пепельницей и, окутанная облаком табачного дыма, курила одну сигарету за другой. Рабочий стол и пол были усеяны ленточками и обрезками ткани. В квадрате окна зияла чернота, такая же чернота зияла и в моем сердце.

Чего же мне не хватало? И сколько можно еще оставаться в роли просительницы? Ответов на эти вопросы у меня не было. Как не было и душевного покоя. Но я точно знала, что не собираюсь вечно быть любовницей Бальсана. Я не любила его по-настоящему, как он того заслуживал. Пройдет время, и я надоем ему. Он поймет, что у меня к нему только дружеские чувства, и подыщет себе более пылкую партнершу. Хотя Бальсан ни единым намеком не дал мне знать, что устал от моего общества или ждет от меня чего-то большего, он все же мужчина, и довольно привлекательный. Эмильена была его любовницей, и не единственной, хотя это случалось нечасто. Найдутся другие, которые с радостью ухватятся за возможность заменить меня. И хотя я боялась, что мне снова в одиночку придется бороться за выживание, но понимала, что не стану скучать по его редким ласкам и, более того, у меня не будет чувства вины из-за того, что я не смогла достойно отплатить Бальсану за его щедрость.

С тех пор я очень полюбила верховую езду. Страстью, конечно, она не стала, поскольку я все-таки предпочитала ходить по земле, но это увлечение было для меня отдушиной, отвлекавшей от беспокойных мыслей, еще одним достижением в жизни, которое могло бы сослужить свою службу когда-нибудь потом, хотя я не вполне понимала, каким образом.

Пройдет еще два года, пока я не найду ответа на свои сомнения. И он будет куда более внезапным и неожиданным, чем все остальные события, что со мной случались прежде.

* * *

В эти выходные в доме появилась сияющая Эмильена в окружении своих подруг – артисток и куртизанок – шумный рой бесстрашных красавиц, но, как ни странно, ни одна из них даже не пыталась пустить в ход свои чары или острые коготки, чтобы вырвать Бальсана из моих прохладных объятий.

Все они желали лишь одного – купить мои шляпки.

Когда они заполнили мою мастерскую и принялись ворковать над моими творениями, Эмильена наклонилась ко мне поближе и прошептала:

– Дорогая моя, с вами все в порядке? Вы уверены? Вы так похудели с тех пор, как мы не виделись. Уж не чахотка ли у вас?

Я опустила глаза.

– Нет-нет, все в порядке, – пробормотала я и продолжила заниматься ее подругами.

По словам Эмильены, увидев ее в Тюильри в моей шляпке, они налетели на нее, умоляя познакомить с эксцентричным шляпником, которого Эмильена ото всех прячет. Когда же она сказала, что шляпки делает женщина, у них отвисла челюсть, и теперь они горели желанием приобрести мои творения.

– Вы только представьте, – заявила одна из них, расхаживая по комнате в одной из моих шляпок с перьями на голове, – что скажет месье Ворт, когда узнает, что мы больше не носим его шляпок. Mon Dieu, скандал! Об этом заговорят во всех салонах Парижа.

Скандал был той приманкой, которая держала поклонников куртизанок в постоянном рабстве, афродизиак, по словам Эмильены, не менее мощным, чем устрицы: какой мужчина с горячей кровью в жилах страстно не желает запретного и одновременно возвышенного?

– Откуда мне знать, – ответила я, когда мы уютно устроились в моей комнате.

Эмильена постелила свою вышитую шаль на канapé и накидала туда множество подушек. Ее подружки отправились погулять с мужчинами в саду, а Эмильена явилась ко мне в халате-кимоно и с распущенными волосами, и это значило, что остаток дня мы можем посвятить только себе.

Она внимательно оглядела меня своими кошачьими глазами:

– Не знаете? Дорогая моя, у вас такой жалкий, такой несчастный вид. Неужели вы не рады, что я привезла своих знакомых, чтобы они купили ваши изделия?

Она махнула рукой в сторону моего совершенно пустого рабочего стола, где сиротливо лежала одна-единственная, простенькая черная шляпка с квадратным верхом, одна из самых моих любимых. На полу громоздилась куча коробок из галантерейного магазина на улице Лафайет, а в них основа для моих будущих шляпок. Эмильена купила и привезла их специально для меня.

– Ну посмотрите, они смели все ваши шляпки. Готовьте новую партию, а я в следующий раз привезу вам еще толпу, они снова все раскупят. Глазом не успеете моргнуть, как ваше имя будет у всех на устах.

– Нет, конечно, я рада, – ответила я с натянутой улыбкой. – Просто я...

Я не знала, стоит ли рассказать о поселившемся в моей душе гнетущем чувстве, будто меня несет куда-то в жизненном океане без руля и ветрил, без цели, без единой надежды на настоящее счастье.

Она сразу же наклонилась ко мне:

– О нет, *ma chère*, только не это. Скажите, что это не так.

– Что? – Я удивленно посмотрела на нее. – Что не так?

– Я могла догадаться и раньше... – вздохнула она. – Эта странная меланхолия, потеря аппетита, эта худоба и бледность. Да вы *enceinte*,¹² милая моя.

Я не сразу поняла, о чем она говорит. А когда поняла, изумилась:

– Вы думаете, я беременна? О нет, Эмильена, уверяю вас, вы ошибаетесь.

– Нет? – нахмурилась она. – Разве такое не возможно?

Я помолчала.

– Да, – наконец произнесла я, поскольку не видела причин ей лгать, ведь она прекрасно понимала, какие именно у нас с Бальсаном отношения. – Возможно, конечно. Но я не беременна.

Видимо, что-то в моем тоне сказало ей больше, чем я того хотела. Она вдруг глубоко задумалась – такой я еще ее не видела. Потом она откинулась назад, кимоно распахнулось, открыв соблазнительное пышное тело в белье из кремового шелка; сегодня она была без корсета.

– Понятно, – проговорила Эмильена.

– Да неужели? – Мне было любопытно, что она себе навоображала.

– А вы никогда не думали о том, чтобы направить его? – спросила Эмильена все тем же интимным тоном. – Мужчины – существа вполне обучаемые. Они с готовностью все усваивают, если не пожалеть времени и показать им что да как. Немного терпения и настойчивости, и они смогут приспособиться к нашим потребностям, надо только предоставить им такую возможность. – Она говорила, конечно, не о финансовых потребностях, уж это-то я поняла. Но я была так удивлена неожиданным поворотом нашего разговора, что не могла произнести ни слова. – Со мной он все проделывал достаточно хорошо, – прибавила она, приподняв выщипанную бровь. – Может, и не идеально, с другими бывало и лучше. – Она скорчила гримасу. – Я не держу тех, кто отказывается приспосабливаться, а у меня под дверью их много, целая очередь.

Наконец я обрела голос:

– Вы считаете, я должна научить Бальсана? Тренировать? Как собак?

– Ну да. Он не доставляет вам удовольствия. И вы должны что-то сделать, чтобы изменить ситуацию. Все женщины разные. Он мужчина и может не знать этого, но мы-то знаем. Откуда он это узнает, если вы не научите его?

---

¹² Беременна (*фр.*).

Я не верила собственным ушам и не смогла удержаться от смеха:

– Научить? Да я сама себя плохо знаю! – Не успела я произнести это, как тут же поняла, что неумышленно попала в собственную ловушку.

Она облизала губы:

– Так вы никогда... – Поскольку я не смогла ей ответить ничего вразумительного, хотя на этот раз прекрасно поняла, о чем идет речь, она продолжила: – Никогда не получали в постели удовольствия?

– Почему, я очень люблю спать, – едва слышно пролепетала я.

Не признаваться же ей, что я нашла применение собственным рукам, чтобы достичь сладостного трепета, от которого перехватило дыхание, – вот каков был итог моего удовольствия в постели.

– Ох, милая, да вы действительно еще совсем невинны. Просто очаровательно! Такое редко бывает в нашем кругу. И вы серьезно думаете: то, что он делает с вами... или не делает... это все?

– Я вообще об этом мало думала, – продолжала я лгать. – Хотя, признаюсь, я была...

– Разочарованы? – Она нежно погладила мою руку, и я задрожала, хотя прикосновение Эмильены не было мне неприятным. – Так часто бывает, – продолжала она, – в первый раз. Но нельзя же допустить, чтобы первое разочарование обманывало нас. Ведь мы не жены, в конце концов, а они не мужья. У нас есть иные возможности и альтернативы.

Нежное поглаживание ее пальцев проникало сквозь ткань, сладко охватывая все мое существо. Я слегка отпрянула, что было вызвано отнюдь не отвращением. Мне нравился ее запах: аромат чистого тела, тщательно вымытого с мылом, без приторного цветочного благоухания, характерного для *demimondaines*.¹³ Именно такой чистотой пахло в свое время от нас в Обазине. Белоснежная кожа Эмильены напоминала свежее выпавший снег, сквозь кружевное белье соблазнительно просвечивали груди с розовыми сосками. И тем не менее мне стало страшно. Ведь это и была та самая пресловутая сила, которой славилась Эмильена, запретная, темная, притягивающая к себе мужчин. Вот почему она стала одной из самых преуспевающих куртизанок Парижа. Эмильена д'Алансон была воплощенным соблазном и искушением, а теперь она направляла свои женские чары на меня. И я не знала, как мне на это реагировать.

Она, конечно, все поняла.

– Хотите, я вам покажу, *ma chère*? – спросила она.

И фраза эта содержала не столько вопрос, сколько утверждение. Она наклонилась ко мне и прикоснулась губами к моим, я сидела неподвижно и с интересом ждала, что я буду чувствовать.

Ее поцелуй был как взбитые сливки – теплый и влажный, и сладкий вдобавок, как мед. А тем временем ее руки делали свое дело: легкие, как ветерок, они расстегивали пуговицы, сбрасывали с меня одежду, но мне не было противно. Однако и желания пока не возникало, я была лишь поражена ее смелостью и решимостью, позволяющей отбросить всякое приличие и не разыгрывать из себя скромницу. И как ни странно, меня совсем не беспокоило, что мы с ней обе женщины. В Обазине я часто видела, как девочки залезают в постель друг к другу, и думала, что монашки делают то же самое. Словом, я никого не осуждала. Я считала: если люди что-то делают, то это их личное дело и кто я такая, чтобы осуждать их, при условии, что меня не заставляют делать то же самое?

Меня никто и не заставлял. Она опрокинула меня на спину и принялась дразнить своим проворным язычком и шаловливыми пальчиками, разжигая во мне доселе спящее желание. Я настолько распалилась, что в порыве страсти запустила пальцы ей в волосы и полностью

---

¹³ Дамы полусвета (*фр.*).

отдалась новым для меня ощущениям. Я словно снова стала хозяйкой своего тела. Теперь оно больше не служило лишь для демонстрации нарядов или удовлетворения скромных запросов Бальсана. Нет, теперь оно стало инструментом для получения невероятного удовольствия. И когда губы Эмильены отыскивали мой клитор, меня охватило безграничное и безбрежное наслаждение.

Наконец она подняла над моими раздвинутыми ногами возбужденное, покрасневшее лицо, волосы ее растрепались, губы блестели.

– Я... – прошептала я, задыхаясь, – я была не права.

– Да еще как, – пробормотала она. – Вот видишь? Милая моя, возможность выбирать – это оружие женщины.

14

Вот так мы с Эмильеной стали любовницами, хотя в то время такого слова я не употребляла. Для меня оно все еще имело тот смысл, к которому я привыкла, который извлекала, непрерывно читая романы, то есть безумное соединение двух жаждущих сердец. После своих визитов к нам она на несколько месяцев возвращалась в Париж, лишь время от времени приезжая на выходные с очередной толпой подруг, страстно желающих приобрести мои шляпки, а ближе к вечеру она уединялась со мной, чтобы доставить мне наслаждение. Мы с ней ни разу не заикнулись о любви, и, хотя мне доставляли удовольствие ее прикосновения, ее смех, ее острый ум, я не любила Эмильену.

Это все, что я могла сказать по этому поводу. Похоже, любовь – чувство мне чуждое и любить я не способна.

И как часто случается, когда возникает близость, Эмильена стала говорить такое, что меня встревожило. Однажды, после того как мы занимались любовью, вместе приняли ванну и уселись на канapé поболтать, она как бы невзначай обронила, что имея я желание, то в Париже могла бы сделать великолепный дебют.

– Ты такая необычная, похожа на девчонку-сорванца, – сказала она. – Мужчины будут ломать голову, девочка ты или мальчик, они с ума станут сходить, покупать тебе все, что пожелаешь. Ты всем нам дашь сто очков вперед, а сама сколотишь кругленькое состояние. – Она лениво улыбнулась, томная, ослабевшая после наших горячих ласк и не менее горячей ванны, ароматизированной олеандром. – А ты разве не думала об этом? Ты же сама говорила, что тебе здесь не нравится, мало радости, да и Бальсан... Ну, ты все понимаешь, у него совсем другие интересы.

Я вздрогнула и убрала голые ноги, касавшиеся ее ног. Мы обе откинулись назад, откровенно глядя друг другу в лицо; внезапно близость Эмильены показалась мне тягостной. Я понимала, что она имеет в виду. Бальсан частенько уезжал к родственникам в Лион или в Париж к друзьям, причем надолго, порой его не было по нескольку недель, но ни разу не пригласил меня с собой. Его отлучки даже нравились мне, поскольку я могла делать, что хотела: работать, кататься верхом, читать, бродить по всем комнатам этого огромного замка, где угодно стряхивать сигаретный пепел и оставлять после себя беспорядок. Возвращаясь, он неизменно был очень рад меня видеть, даже волновался. Но я никогда не ждала от него верности, учитывая собственные к нему чувства.

Тем не менее, когда все это было высказано вслух, я не на шутку встревожилась. Потянулась к портсигару, закурила и с деланой самоуверенностью пустила струю дыма:

– Конечно, я знаю, у него есть и другие женщины, но я не говорила, что несчастлива.

– Ну конечно не говорила. Но я же вижу, что ты несчастлива. Почему бы тебе не прокатиться в Париж? Я введу тебя в свой круг, будешь у меня первой ученицей. – Она провела ладонью по шее. – Наступит время, когда мне придется смириться с неизбежным и позволить другой занять мое место. Почему бы мне самой не выбрать ее?

Видно было, что Эмильена говорит искренне. Честность в отношениях с людьми она ценила очень высоко, правда, мужчин, которых она завлекала своими чарами, это не касалось. Я же о Париже мечтала всегда. Но надо как следует все обдумать. В принципе, конечно, она права, я с неохотой, но признавала это. В последнее время я стала какой-то беспокойной; даже невозмутимый Бальсан порой бормотал, что мне надо почаще выходить на воздух и прекратить возиться с этими чертовыми шляпками.

И все же я понимала, что не смогу стать такой, как Эмильена, несмотря на все ее замечания.

– Да и ты, моя милая, – говорила она, – моложе не становишься. Сколько тебе сейчас? Двадцать семь?

– Двадцать пять, – ответила я.

– Вот-вот. – Она махнула рукой, словно несколько лет были не в счет. – Это все равно, как раз тот возраст, когда большинство женщин или давно уже замужем, или становятся любовницей, которую скоро бросят, или примиряются с ролью старой девы. И ты хочешь для себя такой участи? Мрачноватая перспектива.

– Нет, не хочу, – покачала я головой. – Но и того, что ты предлагаешь, тоже не хочу. – Но, увидев, как застыло ее лицо, я мягко добавила: – Ты только не подумай, что я осуждаю тебя, ничего подобного. Просто это не для меня. Я не хочу быть куртизанкой.

Она молчала, словно размышляла над моими словами.

– Eh, bon.¹⁴ Тогда чего же ты хочешь? Только не говори, что хочешь остаться здесь навсегда в качестве особой подруги Бальсана, все равно не поверю.

Я пожала плечами, затянулась сигаретой:

– Вот в этом-то вся и загвоздка. Я пока сама не знаю. Мне хотелось бы самой зарабатывать, как я хочу. Работы я никогда не боялась.

– А что, по-твоему, делаю я? Если это не тяжелая работа, тогда я вообще не знаю, что это такое. – Эмильена помолчала, задумчиво меня разглядывая. – Понимаю, – наконец сказала она, – другими словами, ты хочешь настоящей работы. Может, тебе нужно свое ателье?

Неизвестно, откуда ей пришла в голову эта мысль, скорее ехидная, чем просто дурацкая, но я вдруг подумала: это лучшее, что мне до сих пор приходилось слышать.

– А почему бы и нет? Вон твои подруги, все без ума от моих шляпок. Ты же сама говорила, что стоит им увидеть на тебе такую, сразу спрашивают, где ты ее купила. Я откладываю каждый франк, который зарабатываю. Почему мне нельзя открыть собственное ателье?

Эмильена поджала губы:

– Чтобы открыть ателье, нужны деньги, много денег, несколькими франками тут не обойдешься.

– Могу попросить у Бальсана, – сказала я, но представила его реакцию и сразу упала духом. – Он ведь может помочь мне, как думаешь?

– Вопрос не в том, может или не может, главное – захочет ли. И внутренний голос говорит мне, что ему эта мысль покажется, мягко говоря, весьма оригинальной. – Она встала. – Мне надо одеться. Они скоро вернутся с охоты, и нам, как благовоспитанным дамам, надо сидеть в гостиной с чашечкой кофе, n'est-ce pas?

И она ушла, оставив меня одну, с сигаретой в руке. Вот и весь наш разговор о моем положении. К чести Эмильены, она больше ни разу не предлагала мне стать куртизанкой, даже не заговаривала об этом. Но вот мысль, которую она столь беспечно обронила, пустила в моей душе корни.

Собственное ателье. Почему нет?

* * *

Как только представилась благоприятная возможность, я изложила свою просьбу Бальсану. Сначала я намеревалась обсудить все после одной из наших недолгих интерлюдий, но не выдержала и без предупреждения заговорила об этом за ужином, когда лакей уже смахивал щеткой со стола крошки.

– Я хочу открыть шляпное ателье! – выпалила я.

Бальсан поднял на меня насмешливый взгляд.

---

¹⁴ Ну хорошо (фр.).

– Ателье? – как эхо повторил он.

– Да, – ответила я и выдала заранее отрепетированный монолог о том, что Эмильена и все ее знакомые ценят и любят мои шляпки, что я сама уже кое-что заработала и скопила, что не видать мне душевного покоя, пока не найду себе дела. – Ателье – идеальный вариант, я могла бы заниматься своими шляпками, а все, кому это интересно, могли бы приходить и смотреть, и это дало бы мне возможность...

– Если Эмильена со своими красавицами потакают твоему странному хобби, – резко перебил он, – это не значит, что ты должна немедленно куда-то бежать и открывать свое ателье.

Слово «ателье» он произнес так, словно оно оставляло у него во рту неприятный привкус, и впервые у меня в голове мелькнула мысль, что в душе он обыкновенный буржуа, богач, рожденный для денег и возвращенный на деньгах, которых у него куры не клюют.

– Так ты считаешь, что это хобби? – сквозь зубы процедила я.

Чтобы разозлить меня наверняка, большего и не надо, достаточно просто намекнуть, что не я сама решаю, что мне делать и как.

– А что, разве не так? – Он постучал сигаретой по столу и подождал, когда лакей поднесет ему зажженную зажигалку. – Твои шляпки очень милые, конечно, и красивые. Да, они произвели некоторое впечатление на дам, которые вьются вокруг Эмильены, но с чего ты взяла, что я стану поддерживать эту авантюру? Я считаю ее безнравственной. Женщины у нас не работают и не должны работать, а если кто и пытается, никогда не добивается успеха, если только не идет по стопам Эмильены – лежа на спине.

Я резко вскочила, едва не перевернув стул.

Он пустил в потолок кольцо дыма:

– И не смотри на меня такими глазами. Я что, мало даю тебе денег? Если надо больше, спроси. Я никогда тебе ни в чем не отказывал.

– Мне не нужны твои деньги! – фыркнула я.

– Правда? Должно быть, я что-то неправильно понял. Я думал, именно этого ты всегда и хотела.

Я развернулась и пулей выскочила из комнаты, не обращая внимания на его смех и призывы вернуться и не вести себя как ребенок. Он вовсе не хотел уязвить или обидеть меня, просто такой он был человек. У него в голове не укладывалось, что женщина может желать чего-то большего, чем он давал мне, ведь большинство женщин так себя не ведут.

Но я к этому большинству не принадлежала. Ярость, которая заставила меня мчаться, перепрыгивая через ступеньки, в свою комнату, где я тотчас закрылась на ключ и весь остаток вечера не хотела его даже видеть, эта ярость ожесточила мою душу, чувство благодарности к нему потускнело, как серебро, покрытое патиной.

Ненависти я к нему не питала и не хотела питать. Он слишком мне нравился.

Любым путем, как угодно, я должна найти собственный путь.

* * *

Желая поднять мне настроение, Бальсан уговорил меня прокатиться на ипподром, подальше от Руайо. Я хотела отказаться – мол, пусть знает, что у меня своя голова на плечах, что я буду делать только то, что мне самой нравится, – но соблазн хоть на время вырваться из замка оказался слишком силен. Изоляция сделалась для меня невыносимой. Меньше всего мне хотелось превращаться в мегеру, с обиженным видом бродящую по пустому дому.

И мы отправились в Лонгшан пообщаться с представителями высшего парижского общества. Дорогие скаковые лошади мчались по беговым дорожкам, а все те, кто хоть что-нибудь собой представлял, из кожи вон лезли, чтобы их тоже заметили. Что касается моды,

она почти не изменилась. Был 1908 год, прошло почти десятилетие нового века, газеты провозгласили расцвет революционной эпохи. А женщины по-прежнему горделиво расхаживали все в тех же дурацких платьях с тесным лифом, сидеть в которых было сущим мучением, и с похожими на кочан капусты, нелепыми сооружениями на голове.

Я очень удивилась, когда встретила здесь Адриенну: она приехала в Лонгшан посмотреть на скачки со своей новой опекуной, мадам Мозель, той самой свахой, организовавшей бегство в Египет. В первую минуту я не узнала свою юную тетюшку, скромно прохаживающуюся вместе с сопровождающей ее мадам у самой беговой дорожки, огороженной белым заборчиком: тонкая фигурка в белых и кремовых тонах, вся в лентах, затянутая в корсет так, что, кажется, еще немного – и дух вон. Адриенна остановилась и мельком бросила на меня взгляд. Я стояла одна, в мужской шляпе с мягкими полями, простой блузке, с коротеньким шелковым галстуком под воротничком (я взяла галстук Бальсана и подрезала его), в подпоясанном ремешком черном жакете, юбке до щиколотки из верблюжьей шерсти и сапожках на низком каблуке. Лицо Адриенны вдруг осветилось.

– Габриэль! – крикнула она.

Я стала в замешательстве озираясь, пока не поняла, что она обращается ко мне.

С тех пор как я уехала из Мулена, меня никто не называл по имени. Мадам Мозель окинула меня оценивающим взглядом, в котором читались и насмешка, и отвращение, а тетя обняла меня.

– Вы только посмотрите на нее, – тихо произнесла она, – как всегда, элегантна. Господи, как я по тебе соскучилась! Ты мне совсем не пишешь. Обидно даже. А ты? Ты скучала по мне?

Да, очень скучала, я поняла это только теперь. Скучала по ее мягкой, кроткой натуре, по ее живому природному изяществу – она совсем не изменилась, хотя любовь к Морису подняла ее общественный и материальный статус довольно высоко, судя по роскошному платью и сверкающим на запястьях браслетам с драгоценными камнями.

– Ты вышла замуж? – спросила я.

Почему-то мне пришло в голову, что она давно замужем, хотя на свадьбу меня не пригласила.

Мадам Мозель громко фыркнула, и тогда Адриенна взяла меня под руку и предложила пройтись.

– Нет еще, – грустно ответила Адриенна. – Ну а ты как поживаешь? Рассказывай, рассказывай все. Ты, наверное, так любишь своего Бальсана, ты живешь у него в замке, вот приехала с ним сюда. Завидую я тебе. А мы с Морисом делаем все тайком. Мы должны доказать его родственникам, что нас связывает настоящая, чистая любовь. Я не живу с ним, а вижусь всегда в присутствии мадам Мозель. Мы ни на минутку не остаемся одни: порядочная дама не может позволить мужчине таких вольностей.

Я продолжала молчать. Если так судить, то я никакая не дама, тем более порядочная. Но скоро я поняла: Адриенне абсолютно неинтересно знать, как я живу. Она почему-то была уверена, что я вполне устроилась с Бальсаном и всем довольна. Это главное, а об остальном нечего и спрашивать. Зачем? Она настолько увлечена борьбой за респектабельность своего положения, что мне оставалось только слушать ее горячий шепот, которым она сообщала о своих желаниях и мечтаниях, словом, обо всем, что обычно пишут в романах. Я узнала, что, несмотря на ее блестящую внешность, несмотря на всю решимость женить на себе барона, родственники Мориса упорно сопротивляются, утверждая, что она для него неподходящая партия, и это глубоко ранит ее, терзает душу, хотя Морис не сдается и не устает заявлять о своей преданности. Услышав ее признание, что они никогда не видятся наедине, я удивилась. Мне это казалось просто невероятным: неужели он не осмелился сделать то, что она всячески отрицала, неужели между ними ничего не было? Возможно, нетерпеливое ожи-

дание и предвкушение грядущих наслаждений и было тем самым горючим, что разжигало его страсть. Ведь прошло уже два года, а они все еще вместе. Жаркая борьба за обладание титулом баронессы сделала Адриенну гораздо более стойкой, чем когда она была со мной в Виши.

Наконец она выложила все, что лежало у нее на душе, перевела дух, и в наступившей тишине, под строгим взглядом мадам Мозель, я сообщила:

– А я собираюсь открыть свое ателье.

Сама не знаю, как это сорвалось с языка. Я совсем не собиралась говорить об этом, но неодобрительно кривящиеся губы мадам Мозель не давали мне покоя, и меня понесло.

– Бальсан обещал помочь. Я подыскиваю подходящее местечко, вот мы с ним и решили прокатиться.

– Ателье? – Адриенна даже растерялась и озадаченно посмотрела на меня. – Зачем это тебе? – Но, увидев мое лицо, она торопливо добавила: – Ах да, шляпки. Ты все еще занимаешься ими? – спросила она, словно сама эта идея была для нее удивительна и непостижима, как некий пережиток нашего с ней бездарного прошлого, которое я должна вычеркнуть и забыть.

– Представь себе, занимаюсь. Уже довольно много продала, причем парижским модницам, а теперь хочу открыть свое дело. – Я помолчала, оценивая вдруг наступившую, явно гнетущую тишину. – И замуж, похоже, я выйду очень не скоро, если вообще выйду, – продолжала я, вонзая воображаемый нож по рукоятку в живот мадам Мозель. – Я хочу работать. С нетерпением жду, когда же наконец приступлю.

– О, это... просто чудесно, – промямлила Адриенна, и я поняла, что ее глубоко въевшееся восхищение мной все-таки победило первоначальный испуг. – Ты всегда была такой смелой, Габриэль. Мне кажется, это просто чудесная идея... Что вы скажете, мадам? – Она бросила взгляд на свою дуэнью. – Миленькое маленькое ателье – это же так прекрасно!

– Да, – сухо сказала мадам. – Чудесно. И вы уже выбрали, в каком городе хотите обособоваться? Я думаю, Париж для такого предприятия потребует ужасно много расходов.

– Деньги, – отмахнулась я, – не проблема. Нет, подходящего места я еще не нашла. Мы рассматриваем самые разные варианты.

Я с удовольствием наблюдала, как на лице поверившей мне мадам проступило выражение зависти, поскольку в конечном счете деньги были единственным божеством, которому она служила, и она прекрасно знала, что у Бальсана денег куры не клюют.

– Ты обязательно должна мне сообщить, когда откроешь свое ателье, – сказала Адриенна. – Очень хочу посмотреть. Может, и меня в помощницы возьмешь, помнишь, как мы раньше мечтали? – Мадам аж задохнулась от возмущения, но Адриенна не обратила на нее никакого внимания. – Кажется, я еще не скоро выйду замуж, – прибавила она и со слегка истерической ноткой в голосе засмеялась. – Так что и у меня будет занятие, если, конечно, я тебе все еще нужна.

– Ну конечно, – кивнула я. – Мне обязательно понадобится помощь.

Я с наслаждением принялась расписывать свои перспективы, которые, конечно, пока еще вилами по воде писаны. Но мне было все равно. Я хотела, чтобы эта мадам проглотила язык, а Адриенна, вернувшись в Мулен, всем рассказала, как я преуспеваю. Пускай Луиза и все остальные призадумаются.

– Вот, можешь писать мне на адрес мадам. – Адриенна достала из вышитого ридикюля в руках мадам записную книжечку и прикрепленную к ней серебряную ручку и нацарапала адрес. Оторвала листок и протянула мне. – Я живу у нее, а по воскресеньям хожу в гости к Луизе. О, Габриэль, – она нежно обняла меня, – я так счастлива, что мы с тобой встретились. Обещай, что будешь писать обо всем. Я так рада за тебя. Я всегда говорила, что если ты что-то решила, то обязательно сделаешь.

Ее восторженность была искренняя. Адриенне хотелось, чтобы все были довольны и счастливы, даже если сама она не была таковой, и, когда мы прощались, я твердо решила послать за ней, когда настанет время. У меня было такое чувство, что моя мечта о собственном ателье гораздо более реальна, чем желание Адриенны выйти замуж за барона.

С легкой душой я вернулась к трибунам, где Бальсан криками подбадривал своего жокея. Конечно, многое в этой жизни меня не устраивает, многое хотелось бы изменить, но я ни за что не поменялась бы местами с Адриенной. Слава богу, у меня все еще сохранилось страстное желание достичь чего-то в жизни.

Бальсан стоял у стойки бара, выпивал с друзьями и, отчаянно жестикулируя, о чем-то говорил с такой страстью, которую приберегал только для своих обожаемых лошадей. Двоих его собеседников я узнала: граф Леон де Лаборд и Мигель Юриб, богатые компаньоны, регулярно бывавшие в Руайо. Когда я подошла, они повернулись, чтобы поприветствовать меня; я уже успела стать почетным членом их клуба: моя способность скакать верхом и охотиться с ними на равных, как и вкус к своеобразным нарядам, внушили им любовь и уважение ко мне. Все звали меня *la petite Coso*, и сейчас я весело поздоровалась с ними, а Бальсан с несколько унылым видом поманил меня поближе.

– Мы были четвертыми. Этот жокей еще на старте погнал Тройку слишком быстро, а к финишу потерял скорость, дурак этакий, чертов гном!

И тут я заметила в их компании человека весьма необычного, прежде я никогда его не видела.

Лицо у него было довольно смуглое, густые черные волосы напояжены и зачесаны назад, хотя несколько прядей выбились и падали на лоб. Глаза, дымчато-зеленые, глубоко посаженные, смотрели серьезно. Вот глаза-то и привлекли мое внимание, когда я разглядывала его безукоризненный твидовый костюм табачного цвета, казавшийся очень мягким на ощупь. Под безупречно скроенной, элегантной одеждой угадывалась ладная фигура. Он протянул мне квадратную ладонь. С удивлением ощущая на его ладони мозоли, я пожала ему руку, а сама подумала, что он поздоровался со мной, как обычно здороваются с мужчиной. Никакого сравнения с изящной, наманикюренной рукой Бальсана – это было рукопожатие рабочего, с той единственной разницей, что ни один рабочий не мог бы позволить себе такой костюм.

– А вы разве не знакомы? – спросил Бальсан.

– Не думаю, – ответил мужчина низким голосом, и Бальсан нахмурился:

– Но я готов поклясться... Гм... Ты ведь бывал в Руайо уже после того, как туда приехала Коко, разве нет? Нет? Ах вот оно что. Артур Кейпел, это Габриэль Шанель. Габриэль, позволь представить тебе господина Артура Кейпела, моего английского друга, обладающего весьма эксцентричным вкусом, что касается перемещения в пространстве.

– Для друзей я просто Коко, – улыбнулась я, так как Артур Кейпел не торопился отпустить мою руку.

– А я для друзей – просто Бой, – в тон мне ответил он, слегка вздернув украшенную усами верхнюю губу. – Для меня большая честь познакомиться с вами, Коко Шанель.

По-французски он говорил безупречно, без малейшего акцента.

Интересно, думала я, что Бальсан наговорил обо мне Кейпелу? Наши с ним отношения были, что называется, *intégralière*,¹⁵ и Бальсан не делал попыток ввести меня в общество, если не считать сборищ в его замке. Но ему наверняка задавали вопросы о девушке, с которой он живет. Хвастался ли он друзьям, что подобрал меня, как беспризорную девчонку, на улице и сделал своей любовницей?

---

¹⁵ Здесь: не подчиняющийся правилам (*фр.*).

Красивое лицо Кейпела было непроницаемым, но пристальный взгляд его, казалось, прожигал меня насквозь. Нет, пожалуй, не насквозь, взволнованно думала я, этот взгляд направлен именно на меня. Кейпел смотрел так, словно видел меня такой, какая я есть, в чистом виде, не придавая значения той роли, которую я играла в жизни Бальсана, что бы там ему ни наговорили обо мне.

Этот взгляд ужасно меня смущал. Должно быть, он видит перед собой женщину свободную, а значит, доступную и прикидывает, как ко мне подступиться, но так ли это, я понять никак не могла.

Я высвободила руку. Ладонь Кейпела была сухой, и на моих пальцах не осталось ни капельки пота, хотя стояла страшная жара. Этот человек был холоден, как стакан со льдом.

– Покажи Коко свой автомобиль, – попросил его Бальсан. – Как можешь заметить по ее манере одеваться, Коко обожает нарушать традиции, а этот твой драндулет – штука очень оригинальная. Покатайтесь, а мы пока посмотрим еще один заезд. Коко у нас к бегам равнодушна, правда, *chérie*?

А я все стояла как столб и глядела на Кейпела, и даже ласковое слово, сказанное Бальсаном в мой адрес, не заставило меня пошевелиться. Бальсан никогда не демонстрировал на публике своих чувств ко мне, и я бы не удивилась, если бы он сейчас шлепнул меня по задку, чтобы я не забывала, кому принадлежу. Наконец я вышла из столбняка и послушно пошла за Кейпелом вокруг трибун. Мы прошли мимо столиков под зонтиками, за которыми, обмахиваясь веером и потягивая лимонад, сидели дамы со своими детишками. Мы направились туда, где стояли экипажи, запряженные лошадьми.

– Вы когда-нибудь видели автомобиль? – спросил Кейпел, замедляя шаг, чтобы я могла идти рядом с ним.

При ярком солнечном свете в его зеленоватых глазах видны были янтарного цвета крапинки, и мне стало ясно, что Кейпел смуглый не от природы, а лицо его просто загорело, поскольку он не носил шляпу. И я еще раз подумала о его происхождении. Если он владелец новомодного моторного экипажа, которые совсем недавно появились в продаже, значит у него есть средства. Но всем своим внешним видом он, скорее, был похож на крестьянина из моего детства, такого трудягу, который любит одиночество, потому что откровение всегда дается недешево.

– Только в газетах, – ответила я, – но мне любопытно увидеть своими глазами.

– Правда? – Жесткое выражение лица его смягчилось, угрюмые движения обрели явную привлекательность. – Любопытство в наши дни редко встретишь.

Кейпел не прибавил слов «среди женщин», но понятно было и так, что он имел в виду. Наконец он подвел меня к ярко-красному двухместному автомобилю, чьи металлические крылья были так отполированы, что я видела в них свое карикатурно искаженное отражение. Верх автомобиля был откинут, и на вид он казался довольно неуклюжим: большие, напоминающие веретено колеса делали его похожим на жука-водомерку на длинных ногах.

Кейпел погладил рукой капот:

– Мотор часто перегревается, радиатор у этой модели – проблема, но один американец, Генри Форд, сейчас разрабатывает кое-что получше. Это наше будущее, мадемуазель. Лет через пять самое большее экипажи с лошадьми уйдут в прошлое, даже железные дороги будут терять и пассажиров, и прибыли.

Я слушала его как зачарованная, потом осторожно обошла машину кругом, в любой момент ожидая, что она заревет, оживет и помчится неведомо куда.

– Она быстро бежит? – спросила я, поднимая на него глаза.

– Хотите попробовать? – предложил он.

Едва различимая нотка в его голосе сразу заставила меня вспомнить об Эмильене, в нем звучал некий предосудительный соблазн. Похоже, он заигрывает со мной, причем

нахально. Да, я не замужем и сплю с Бальсаном, но из этого не следует, что я доступна всякому *gentilhomme*,¹⁶ одетому в модный костюм и покупающему себе дорогие игрушки. Тем не менее я кивнула, он открыл передо мной небольшую дверь и помог устроиться на стеганом кожаном сиденье.

Потом он зашел спереди, крутанул заводную рукоятку, двигатель чихнул, зафырчал и довольно громко взревел, машина мелко задрожала, и я вместе с ней. Он уселся перед рулевым колесом на место водителя, нажал ногой на педаль, и машина рванула вперед, не так быстро, конечно, как лошадь, когда ее пускают в галоп, но все-таки с неожиданной живостью.

Мы помчались по дороге, идущей вокруг ипподрома, обгоняя рессорные экипажи, запряженные лошадьми, со свистом проносясь мимо пораженных зевак; скорость кружила мне голову. Такой вот головокружительной и безумной я всегда себе представляла любовь в постели, но, увы, никогда не получала ее, никогда еще во время любовных игр у меня не захватывало дух от радости и возбуждения, никогда не хотелось громко кричать от счастья. Я подняла обе руки вверх, и мои широкие рукава затрепетали от встречного ветра.

Вдруг машина закашлялась, затряслась и остановилась. Из-под капота повалил дым.

– Вот видите? – крикнул Кейпел, быстро перепрыгнул через дверь, раскрыл боковую часть капота и замахал руками, разгоняя дым. – Перегревается. Теперь придется несколько минут постоять, чтобы мотор охладился.

Я обернулась, достала свою шляпу и протянула ему – шляпу сдуло ветром, и она, оказывается, лежала в крохотном пространстве за спинкой моего сиденья (как оригинально, подумала я, увидев там еще одно складное сиденье, словно крошечный диванчик).

– Возьмите дым разгонять.

И тут он в первый раз улыбнулся мне, обнажив белые квадратные и крепкие зубы.

Мотор остывал гораздо дольше, чем несколько минут. Кейпел достал из-под водительского сиденья закупоренную бутылку воды и вылил ее куда-то в двигатель. Когда дым совсем рассеялся, Кейпел закурил и протянул мне золотой портсигар. Он не спрашивал, курю я или нет, хотя дамы обычно не курят на людях. Поправив растрепанную прическу, я взяла сигарету и прикурила; вот так мы с ним и стояли, прислонившись к машине, не касаясь друг друга, курили, глядя на окружающую природу. Откуда-то сзади доносились слабые крики с ипподрома, и это означало, что Бальсан либо выиграл, либо проиграл свою ставку. Загасив окурок о каблук, Артур Кейпел повернулся к машине:

---

¹⁶ Джентльмен (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.